

Кристина
АРНОТИ

ВСЕ ШАНСЫ И ЕЩЕ ОДИН

серия *Eterna
L'Amour*

Eterna-l'amour

Кристина Арноти

Все шансы и еще один

«Этерна»

1980

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

Арноти К.

Все шансы и еще один / К. Арноти — «Этерна», 1980 — (Eterna-
l'amour)

ISBN 978-5-480-00268-3

Закон джунглей. Сильный пожирает слабого. Неистовая гонка к успеху, богатству, власти. Джей Лоуренс, член парламента, амбициозный, привлекательный, умный, брак по расчету... И вдруг на международных переговорах в Женеве он встречает молодую девушку Лизу, которая работала там переводчиком. И в свои пятьдесят лет Джей обнаружил, что на свете еще есть любовь и истинные чувства... Роман – тонкий, нежный, в то же время жестокий и полный юмора.

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-480-00268-3

© Арноти К., 1980
© Этерна, 1980

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Кристина Арноти

Все шансы и еще один

Клоду в знак нашей вечной любви.

Сыну моему Франсуа, благодаря которому я осталась в живых.

Моей дочери Анне, моему ангелу-хранителю.

Мари-Поль, открывшей мне дверь в новую жизнь

CHRISTINE ARNOTHY
TOUTES LES CHANCES PLUS UNE

Christine Arnothy. Toutes les chances plus une Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги)

Дизайн переплета – Александр Архутик

© Editions Grasset et Fasquelle, 1980 © Е. Сергеева, перевод, 2011 © Палимпсест, 2011
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2011

Из своей переводческой кабины Лиза разглядывала французского депутата. Ей хотелось быть где-нибудь в другом месте: политика ее удручала, а на улице была весна. Скоро ее сменят. Вот-вот должна была наступить ее очередь. Загорится красный свет, и она практически одновременно с ним произнесет по-немецки обещания этого довольно симпатичного мужчины.

Женева, омываемая бурной Роной, словно прикрытой плащом из пены, была залита солнцем, свет и шум города сливались в некую мощную пульсацию. В конференц-зале проходило заседание за закрытыми дверями, и его участникам казалось, что оно будет длиться вечно. Ей безумно хотелось курить. Хватило бы даже просто ощущения, что губы прикоснулись к фильтру сигареты. Лиза наклонилась и стала искать на полу свою сумочку. Выпрямляясь, она ударила головой и локтем. Боль заставила ее торопливо потерять ушибленное место. «Черт!» – мысленно выругалась она. Из-за ее неловкого движения переключатель, соединяющий ее микрофон с громкоговорителем в зале, поменял положение.

Депутат на сцене в этот момент обещал в скором времени изложить свою программу. Основатель Союза либеральных сил – одной из новых формаций, недавно возникшей в левом центре бурной французской политической жизни, полной старых идей, перекроенных по новой моде, – он пытался убедить аудиторию в важности своего движения.

– Мы – единственная сила, способная примирить промышленность с экологией, ускорение роста – с умеренной инфляцией и, главное, осуществить демократизацию структур предпринимательства, – сказал Лоран Же.

В первом ряду страдал японский наблюдатель. У него страшно чесалась левая ляжка. Он кивал головой, как меломан на концерте, в такт речи депутата. Это покачивание помогало ему переносить зуд. Убедительные определения оратора будто граффити отпечатывались на международных барабанных перепонках.

Лиза вздохнула и произнесла:

– До чего же нудный тип!

Фраза, усиленная аппаратурой, прозвучала на весь зал.

Лоран Же побледнел и умолк. Он поднял голову и стал искать глазами источник этой словесной агрессии.

– Что происходит? – спросил он у Жана Мюстера, своего доверенного лица, который кинулся к нему.

– Не знаю.

Люди в зале зашевелились, стали оглядываться, некоторые встали.

– Позвольте, – обратился к ним Лоран Же. – Позвольте... Секундочку, пожалуйста. Мы продолжим наш доклад через несколько минут. Меня оскорбили.

Он оставил папку на столе раскрытой.

– Что происходит, Жан? Да скажите же что-нибудь!

Зал пустел.

– Ничего не понимаю, – отвечал Мюстер, человек с умным лицом и запотевшими вдруг из-за охватившего его волнения очками.

– Приведите ко мне эту сволочь, которая это сказала. Я ей выдам сейчас такое, что она вылетит отсюда как миленькая. Надоели мне эти маргиналы.

– Вам бы лучше остаться вместе со всеми... Остаться с ними, пошутить, постараться свести к минимуму эффект случившегося.

– Нет, – отвечал Лоран. – Случай совершенно возмутительный.

Мюстер успокаивал его:

– Это все же лучше, чем бомба...

– Ошибаетесь, дорогой Мюстер. Я бы предпочел этой фразе взрыв. Взрыв перед залом. Не внутри, конечно.

Перепуганная Лиза следила за быстро развивающимися событиями. Она видела, как встают депутаты, поворачиваются к кабинам переводчиков, качают головой, даже улыбаются. Постепенно ее окружили взволнованные коллеги, и она стала говорить им о технической неполадке. Коллеги перемывали ей косточки.

– Ты совсем с ума спятила, – сказала ей белокурая особа из Женевы – Надо функционировать как машина. У тебя не должно быть личного мнения. Никогда. Твое дело – переводить.

– Вот уже десять лет я занимаюсь этим ремеслом и никогда не слышала ничего подобного, – добавила другая. – Фабьен разозлилась (она назвала начальницу по фамилии). На десять минут отлучилась, и, пожалуйста, такая катастрофа.

Гертруда, немка, чуть не кричала в голос:

– До чего же ты глупа! Дура полнейшая! Разве можно настолько выходить из себя? Если бы мы переводили что-то интересное, то это было бы увлекательнейшей из профессий.

Голландка, рыжая как осенний лес, осмотрела кабину Лизы...

– Почему ты включила инвертор?

– Я же уже сказала, что это нечаянно. Я искала пачку сигарет, а выпрямляясь, задела инвертор. Разве не ясно? Кто бы стал нарочно делать такую глупость? Я ведь из-за этого могу потерять работу. Я, а не вы. Вы здесь ни при чем...

К ним подошел Жан Мюстер. Весь запыхавшийся, он от гнева почти не мог говорить.

– Здравствуйтесь, дамы. А ну-ка, скажите, кто из вас так не любит нас? Кто оскорбил г-на Же?

– Это я, – сказала Лиза. – И я приношу вам свои извинения.

Она едва сдерживала дрожь. А он был вне себя.

– Я очень огорчена...

– Можете огорчаться сколько угодно, – сказал Жан Мюстер. – Кто вам за это заплатил?

– Никто, – сказала она, сильно побледнев. – Это получилось само собой.

Они смотрели друг на друга. Она – стройная, грациозная, белая как цветок жасмина, с зелеными глазами и кудрявыми шатеновыми коротко подстриженными волосами. Мюстер то и дело вытирал платком вспотевший лоб.

– Вашей начальницы сейчас нет, – сказал Жан Мюстер. – В ожидании головной уборы пока идемте со мной. Господин Лоран Же хочет вас видеть. Сначала вы дадите объяснение ему, а потом – депутатам. Пошли.

От волнения сердце Лизы было готово вырваться из груди.

– Можно я напишу господину Же учтивое письмо с извинениями? Это было бы лучше...

– Учтивое письмо? Такое дело не удастся уладить учтивым письмом, – сказал Мюстер. – Это было бы слишком просто. Нет, мадемуазель, вы с ним будете говорить.

– Хочешь, я схожу с тобой? – сказала участливо девушка из Женевы.

– Не надо, мадемуазель, – возразил Мюстер. – Она не нуждается в сопровождении. Ведь это же не вы ей подсказали то, что она сказала? Не вы? Так чего же?

– Господин... – произнесла Лиза.

– Меня зовут Жан Мюстер.

Он посмотрел на нее взглядом туриста, проснувшегося в тропиках и обнаружившего в своей обуви скорпиона. Должно быть, она была одной из тех, кто при виде любой ванны воображают себя Шарлоттой Корде. Ведущий деятель и, несомненно, кандидат от новой партии на ближайших президентских выборах, Лоран болезненно реагировал на общественное мнение и на публикации в печати. Газеты правых, да и левых, не упустят случая посмаковать случай в Женеве. Он уже предвидел, какие заголовки крупным шрифтом появятся в газетах, вроде: «В Женеве Лорана Же обозвали нудным типом» или же «Можно ли доверить будущее Франции “нудному типу”»? Он нашел, что Лиза очень молоденькая и симпатичная. Она не была похожа на хиппи, каких было много вчера, ни на «революционерку» сегодняшнего дня. Скорее, она могла завоевать симпатию. Очки Жана Мюстера вновь запотели – так он изнервничался. Чтобы подойти к депутату, надо было пройти по лабиринту коридоров. Лиза спотыкалась на каждом шагу, и он еле успевал ее поддерживать:

– Сейчас не время падать. Вы и так задержали нас. Как переводчик вы недалеко уйдете, миленькая.

– Не менять же образ жизни из-за какого-то одного несчастного случая, – сказала она.

– Еще как придется поменять... Вас вычеркнут, сотрут резинкой и забудут...

Ей хотелось убежать. Это противостояние обратило ее в паническое состояние. Тыльной стороной ладони она вытерла нос. Заметив этот детский жест, Мюстер готов был пожалеть ее, но от этого только еще больше рассердился.

– Сколько вам лет?

– Двадцать один год.

В груди Мюстера перехватило дыхание: сказала астма на нервной почве. Вынув из кармана пульверизатор, он направил в горло успокаивающую струю.

– Я задыхаюсь, – сказал он. – Вот что вы наделали.

– Если бы вы знали, в каком я отчаянии.

Она чуть ли не бегом бежала рядом с Мюстером и при этом продолжала:

– Я сожалею о том, что произошло. Что я еще могу сказать? Конечно, это случайно случилось. Я не заключала контракта на это заседание. Меня привлекли, чтобы я выручила... заменила одну немку, у которой случились преждевременные роды.

– Вы тоже немка? – спросил Мюстер.

– Нет. Австрийка.

– Вы знаете господина Же?

– Смутно. Я не очень интересуюсь политикой.

«Она разыгрывает невинность или же не знает даже, кого она оскорбила», – подумал Мюстер.

Они шли через конференц-зал. Слуховые устройства, эти вибромассажеры мозга, покрытые легкой пленкой пота, валялись на сиденьях. Надо было подняться по трем ступеням, ведущим к эстраде, пройти возле покинутого стола, покрытого валявшимися в беспорядке листами машинописной бумаги. Здесь пыль имела сладковатый привкус, как в кондитерской, закрытой по случаю траура.

Мюстер остановился перед небольшой дверью и постучал. Холодный голос ответил:

– Войдите.

Лиза не шевельнулась.

– Идите, – сказал Мюстер. – Вы что, не слышали? Входите! Да входите же! Теперь ваша очередь. Оправдывайтесь...

Горло у Лизы перехватило. Слегка склонив голову, она перешла через порог. Лоран Же ждал ее, стоя посреди комнаты, узкие размеры которой принуждали к молчанию. Гнев, достойный античной драмы, явно требовал иной обстановки, например величественной люстры вместо этой анемичной лампочки, бородавкой торчащей под потолком. Он разглядывал Лизу.

– Так это вы? – сказал он. – Это вы?

Она больше напоминала фарфоровую безделушку, чем наемного убийцу. Бледная, с большими миндалевидными глазами, с лицом, похожим в этот момент на маску.

– Я очень сожалею, сударь. Приношу вам свои извинения. У этого инцидента чисто техническая причина, даже тени желания навредить вам в нем не было.

Мужчина в упор ее разглядывал. Забавно, но ей нравилось, как ее разглядывают, это придавало ей особый интерес. Лоран протянул ей руку.

– Ну что ж, все равно, здравствуйте. Вы – странное явление.

Ей понравилось прикосновение руки депутата.

– Здравствуйте, сударь, – сказала она.

Он довольно долго держал ладонь Лизы в своей руке.

Жан Мюстер с беспокойством предчувствовал что-то неприятное. Он наблюдал за ними. У него были заготовлены слова, предназначенные для смягчения гнева, но у Лорана гнев куда-то пропал. Этот обычно смелый мужчина, наделенный вкусом к прекрасному, вел себя как плут перед женщиной, которую следовало завоевать. Он любил нравиться людям, как любят поеть и выпить.

– Вы больше похожи на девочку, опасующуюся наказания, чем на сердитого политического противника.

Он был из тех мужчин, которых возраст едва коснулся. Карие глаза сверкали золотистыми отблесками, лукавый взгляд и улыбка, скорее даже юношеская. Он был стройным и не таким рослым, как на сцене.

– Вы нашли, что я такой уж нудный тип?

«Этого не может быть, – подумал Мюстер. – Она ему нравится».

– Что я могу сделать, чтобы исправить мою ошибку? – спросила она.

Лоран окинул ее взглядом. Выразительные губы Лизы покорили бы любого епископа.

Жан Мюстер почти напрочь лишился голоса и смог только промолвить:

– Надо бы продолжить заседание и чтобы она принесла свои извинения.

– Господин Же, – сказала Лиза с покорностью, – вы можете проверить: я точно перевела ваши слова с самого начала. Не пропустила ни одного замечания, ни одного нюанса.

– Значит, у меня были удачные выражения! Это уже хорошо! Мне хочется вам верить. Вы из Швейцарии?

– Из Австрии. Мать моя – француженка, а отец – венгр.

Вспомнив об отце, она почувствовала такую печаль, что не могла больше говорить.

Лоран внимательно смотрел на нее. Должно быть, она принадлежала к тем женщинам, которых называют интересными. Была ли она естественно вызывающей, как часто бывают женщины, оказавшиеся в центре внимания мужчины?

– Не следует больше терять времени, – вмешался Жан Мюстер. – Советую вам немедленно продолжить заседание.

– Вы абсолютно правы, дорогой друг, – сказал ему Лоран. – Прошу у вас одну секунду. Как ваша фамилия, мадемуазель?

– Меня зовут Лиза Дрори.

Когда она произнесла свою фамилию, между ней и Лораном возникло лицо ее отца. Волнение, которое она только что попыталась скрыть, затуманило ее взор.

– Не плачьте, – сказал Лоран, смущенный. – Я бы не хотел, чтобы вы плакали из-за меня...

– Это не из-за вас, – отвечала она, и слезы на ресницах были подобны двум купальщицам, остановившимся в движении на краю трамплина.

– Господин Же, я могла бы, если хотите, сейчас же пойти в зал и объясниться. Поговорить с участниками собрания еще до вашего прихода.

– Мы пойдем вместе, так лучше.

Затем добавил неуверенно:

– Мой друг Жан Мюстер, который занимается всем, что касается меня в этой жизни, в том числе в моих перемещениях, очень рассердится, когда услышит... Но я все-таки скажу... Вы свободны, чтобы пообедать со мной, мадемуазель Дрори?

Мюстер почувствовал прилив крови.

– Но это невозможно! Сегодня вечером мы должны вернуться в Париж...

– Если бы вы были так любезны переменить дату нашего возвращения, я мог бы поужинать с мадемуазель Дрори. При условии, если она захочет. Если нет, проблема отпадает сама собой...

– Билеты взяты на сегодняшний вечер. Купить другие места на утренний рейс очень трудно, все билеты проданы. Вы хотите, чтобы я все перенес? Уже половина двенадцатого...

– Итак, мадемуазель? Ваше решение?

Приглашение ее заинтриговало. От удивления, радостно улыбаясь, она ответила:

– Сегодня утром я уже причинила вам беспокойство, боюсь разочаровать вас вечером. У меня неважное настроение, господин Же, или, точнее, у меня есть причины быть грустной. К тому же мои познания в политике ограничены, особенно в том, что касается Франции.

– Я приглашаю вас для приятного времяпрепровождения, а не для защиты диссертации.

– Быть может, я вас и обижу... Меня интересует только власть, противоатомные проблемы, простая жизнь... Для вас это, должно быть, как китайская грамота.

– У вас сложилось плохое мнение обо мне, возможно, – сказала Лоран. – Тем более важно объясниться. Я хочу улучшить мнение обо мне.

Он повернулся к Мюстеру:

– Сделайте все возможное, чтобы изменить время нашего вылета, прошу вас. Возьмите, например, места в салоне первого класса, если ничего другого уже не осталось.

Лиза наблюдала за Лораном. Вот уже несколько минут она была уверена, что этим вечером она окажется в его объятиях. «Между ним и самоубийством», – сказала она себе.

Жан Мюстер был рассержен.

– Я попытаюсь уладить. Но ничего не обещаю.

Лоран протянул руку Лизе.

– До вечера... Вас предупредят, где мы будем ужинать. Я постараюсь быть вовремя.

Не следовало упускать эту женеvскую оказию. Одной женщиной больше в его репертуаре, одним сожалением меньше о прошлом, уже давно чересчур добродетельном.

И он добавил нежным прерывистым голосом:

– Мы обменяемся нашими взглядами на мир...

– Это зависит от самолета, – повторил Жан Мюстер, глубоко раздраженный. – Ваши обмены...

– Я уверен, что все получится, – сказал Лоран. – Когда вы чего-нибудь хотите, вы всегда добиваетесь!

Лиза радовалась неожиданной победе. Таким образом, ее коллеги, уверенные, что ее исключат из группы, узнают, что Лоран Же, этот предприимчивый француз, пригласил ее на ужин. Да так скоро.

– А что будем делать с моими публичными извинениями? – спросила она, уже уверенная в себе.

Мюстер скорчил гримасу раздражения.

– Я с ними поговорю. Я сам поговорю, – сказал Лоран. – Возвращайтесь в вашу кабину. Я попытаюсь все уладить. Если ваша начальница уже пришла, скажите ей, что я зайду к ней. Мы с ней договоримся. Я не хочу создавать никакого недоразумения на уровне вашей организации.

– Большое-большое спасибо, – сказала Лиза. – Итак, до вечера...

Опьяненная этой победой, она с радостным видом вернулась к своим коллегам. Они окружили ее и засыпали вопросами: «Ну, какой он? Что он сказал? Он согласен, чтобы ты продолжала работу?»

Она отвечала, что «он» был любезен, что «он» не хочет, чтобы она теряла работу, и что «он» даже поговорит с Фабьен, чтобы замять инцидент и его последствия.

Они были, скорее, разочарованы тем, что последствий драмы не будет: человеческие жертвы – развлекательное зрелище во все времена. Они завидовали такой развязке, лестной для Лизы, и старались показать ей свою радость, хотя внутренне были разочарованы. То, что на нее не обрушится гнев организации, было приемлемым, но то, что она пойдет ужинать со своей жертвой, было уже слишком.

Лиза вернулась в свою кабину, проверила аппаратуру и опять надела свои наушники в виде каски.

Лоран появился на эстраде. Он поприветствовал собравшихся молодежным, динамичным жестом. Приготовился создать атмосферу соучастия, восстановить равновесие между участниками и им. Необходимо было создать радостную атмосферу, и его личное очарование сработало, а остроумие обезоружило.

Участники, приехавшие за счет партии, стали аплодировать. Эти постоянно перемещающиеся несколько мужчин и женщин составляли мобильное и активное ядро. Эти профессиональные обожатели Лорана были наемными сторонниками его идеологии. Неважно, как они сами относились к своему идолу, важно, что они вызывали энтузиазм своим горячим одобрением его речей и согревали этим холодно-равнодушные залы. Аплодировали они изо всех сил.

На этот раз участники конференции, возвратившиеся на свои места в зале, надеялись посмеяться и повеселиться. А надо было создать спокойную, деловую обстановку. И в зале поднялась буря аплодисментов. Этот энтузиазм постепенно заразил весь зал.

Лоран поднял руку, чтобы остановить эти излишества; затем выдержал паузу. Собрался.

И тихо начал речь:

– В те несколько минут, что я отсутствовал, прошу вашего благожелательного извинения за это отступление, я быстро спросил у своей совести: был ли я действительно нудным? В ваших глазах, наверное, нет. Каждый из вас – эксперт в своей области, а политический язык – наш код. Технические термины – наши средства выражения. Юной особе, возмущившейся моим выступлением, двадцать один год. На какую-то секунду она забыла свой долг переводчика и высказала свое личное мнение. А что, если она права? Если для молодых людей ее возраста, ее поколения необходимо было использовать другой язык? Я всегда извлекал пользу из

тех уроков, которые мне преподносила жизнь, будь то полезные уроки или дурные. Я не упущу этой возможности и в Женеве.

Жан Мюстер слушал его с восхищением. Лоран взял ситуацию в свои руки. Он владел аудиторией; его простота, которую почитали за сильную сторону его личности, завораживала слушателей. Лоран бил по ним, как молотом, точными выражениями. Он чувствовал настрой зала. Видя себя со стороны, он был одновременно и актером, и режиссером-постановщиком. Подняв голову, он повернулся к кабине Лизы.

– Мадемуазель, прошу вас перевести слова моего личного к вам обращения. Вы совершили полезный поворот. Я постараюсь не выглядеть занудным в глазах людей вашего возраста. Отныне я буду пользоваться более простым языком и, освещая события, меньше теоретизировать.

«Правильно, – подумал Мюстер, – он совершенно прав, но ему пора закругляться». В обстановке приятного душевного спокойствия присутствующие в зале обменивались короткими репликами, улыбаясь и поглаживая в сторону кабинки переводчиков; они радовались, что слушают искреннего и ловкого человека. Этот депутат, выдвинувшийся из политической массы Франции какой-нибудь год тому назад, был действительно незаурядной личностью.

Лиза, с порозовевшим от волнения лицом, синхронно переводила слова Лорана на немецкий. «Если бы он был дирижером оркестра, то заслуживал бы чести выступать в Карнеги-холл, – подумал Мюстер. – Но дойдет ли он до Елисейских Полей?» И он посмотрел на хозяина, который был и его подопечным. Советник Лорана Же, он определял свою роль с забавной горечью, понятной только ему. «Между ролями верного слуги в прошлом и составившейся любовницы, производителя и духовного отца остается крохотное местечко, вроде откидной скамеечки, предназначенной для тайного советника. Это я».

Лоран продолжил доклад с того места, которое относилось к подключению атомных электростанций. Он требовал всенародного голосования. «Если, отказываясь от этих электростанций, народ сам предпочитает рисковать нехваткой энергии, а значит, усугублением безработицы, он не сможет возложить ответственность на государство. Так что французы должны сами решать. Выбор в пользу атомной энергии не может зависеть от произвола властей».

«Думаю, что сегодня вечером я лягу с ним в постель», – подумала Лиза. Выступавший мужчина уже принадлежал ей.

Лиза обедала со своими подругами, с притворной покорностью отнеслась она к резким упрекам старшей команды. Уплетая сэндвич с ветчиной, она слушала сплетни, касающиеся Лорана Же, которого она уже считала своим любовником на сегодняшний вечер. Ему было примерно сорок восемь лет, «конечно женат», сказала голландка, видевшая недавно фотографию его жены в еженедельном журнале.

– Высокая, элегантная блондинка, – добавила она. – Кстати, твой «нудный тип» не лишен будущего. Вот уже несколько недель его называют «третьей силой». Говорят, он стал выразителем мнения тех, кто не хочет ни старых левых, ни новых правых. Если он приглашает тебя поужинать с ним, значит, ты ему нравишься. Этот мужчина не теряет времени.

– Однако со мной он потеряет время, – сказала Лиза с набитым ртом.

Голландка утверждала также, что Лоран Же пользовался репутацией повесы.

– Часто политические деятели пользуются преувеличенной славой в этом отношении.

– А тебе он нравится?

– Еще не знаю, – сказала Лиза – Я обругала типа, а он вместо того, чтобы обидеться, приглашает меня поужинать с ним. Это скорее любезно, другого мнения у меня нет. Приглашает он меня из любопытства. Не так часто ему отказывают в уважении таким образом... Он хочет увидеть человека, осмелившегося... Случайно, кстати... Вот и все...

– У тебя хотя бы сложилось какое-то впечатление?

– Никакого, – сказала Лиза. – И вы знаете о нем больше, чем я.

- Он выдвигает свою кандидатуру на президентских выборах...
- В демократической стране любой может выдвигать свою кандидатуру.
- Любой? Ты шутишь? Существуют очень строгие правила.
- Меня это не касается, – сказала Лиза.

Голландка с нетерпением сказала:

- Но ты что-то чувствуешь все же... Когда ты кому-то нравишься, ты это чувствуешь.
- Я ничего не знаю.

Вмешалась девушка из Женевы:

- Ты бы пригласила на ужин человека, который вlepил тебе в лицо торт с кремом?
- Смотря какой торт, – сказала Лиза.

Голландская переводчица добавила:

- Я уверена, что он будет ухаживать за тобой.
- Это все же лучше, чем быть уволенной, – отвечала Лиза. – Буду держать вас в курсе.
- Он, должно быть, предприимчив и решителен, как часто бывают все французы... Знаю

по себе.

– А кто любит терять время? – спросила Лиза. – Кто? Я вас спрашиваю. Но вы слишком далеко зашли: не обязательно спать со всеми женщинами, которых приглашают отужинать... У вас извращенный ум.

Внутренне улыбаясь, она уже мысленно раздевалась.

Для этого ужина, который его раздражал сверх всякой меры, Мюстер подобрал скромный китайский ресторанчик. Заказал столик в темном углу и, с трудом преодолевая себя, послал вежливую записку в отель Лизы, сообщающую ей место свидание в тот вечер.

С некоторыми трудностями, но все же Жан Мюстер обменял билеты на самолет. Он надеялся, что Лоран придет в этот вечер рано. Надо было, чтобы он выспался и был в форме к завтрашнему заседанию.

В платье из индийской ткани золотисто-коричневого цвета, со свежевывмытыми волосами, почти без макияжа, Лиза пришла в ресторан в точно назначенное время. Под насмешливым взглядом черного дракона, изображенного на красном лаковом фоне, она ждала его, судорожно сжимаясь, куря одну сигарету за другой и часто посматривая на часы. Ресторан был полон, люди ужинали; ей пришлось выдержать любопытные взгляды. Ждать пришлось долго. Она уже собиралась встать и уйти. Чтобы поддержать ее сочувствующий гарсон принес ей чай с жасмином, а Лоран пришел с опозданием на полчаса.

Как только увидел ее, еще в дверях, сделал жест, умоляющий о прощении. Направляясь к столу, где сидела Лиза, он остановился в середине зала, чтобы поговорить с метрдотелем.

– Мне могут позвонить по телефону. Меня зовут Лоран Же.

Затем он повернулся к Лизе и расплылся в знакомой улыбке. Улыбке нежной и молодой, оставшейся от подросткового возраста. Он улыбался, как водитель проверяет зимние шины после снегопада, чтобы избежать скольжения в пропасть. Легко поклонился Лизе:

– Я ужасно опоздал. Вы сердитесь? Непредвиденная встреча с японцами меня задержала... Не мог уйти раньше...

Это был нахальный тип. Первое ее желание, искреннее, было ответить ему: «Да, я сердита на вас. Да, я недовольна. Да, я собиралась уйти...» Но, настроившись на оборону, она предпочла осторожность. Второго инцидента следовало избежать. Она поняла, что даже светская болтовня была бы неуместна. Депутат изменился. Она чувствовала себя прозрачной и менее привлекательной, чем утром.

– У вас, наверное, был трудный день. Я не волновалась. Чувствовала себя немного забытой...

– Забыть такую красивую девушку?

Внутренним своим радаром Лиза почувствовала явную перемену тона. Любезный Лоран Же скрывал некоторое нетерпение. Он сел и слегка вздохнул.

– Будем развлекаться, не правда ли?

Прищутив глаза, она ответила:

– Надеюсь. Но в этот вечер, я думаю, вы чувствовали бы себя более счастливым в компании какой-нибудь гейши, чем в обществе неумелой переводчицы...

– Ох, гейши... – сказал он. – Я не раз бывал в Японии. Это вовсе не то, что себе представляют. Что же касается переводчицы, как вы сказали, «неумелой», я уже выбросил из головы тот инцидент. Я постарался сделать так, чтобы ваша старшая по бригаде забыла о происшедшем. Она не очень отзывчива. Что она вам сказала?

– Отругала меня, – сказала Лиза. – И за дело. Не исключено, что, несмотря на ваше благосклонное вмешательство, на несколько недель я буду в подвешенном состоянии. Временная отставка. Не наверняка, но возможно.

Откровенно говоря, дело Лизы и последствия, которые она может испытать, меньше всего беспокоили Лорана в этот вечер. Ему было наплевать, но, чтобы не огорчать ее, он постарался быть серьезным и сочувствующим. По старой привычке учащихся дорогих религиозных колледжей, он развернул салфетку и положил на колени.

Лиза посмотрела на свою салфетку, торчащую накрахмаленной пирамидкой.

Метрдотель положил перед ними меню.

– В плане моей профессии, – сказала Лиза, – если я сохраню свою работу без особого ущерба, то это будет исключительно благодаря вашей любезности. Я буду знать об этом только через несколько дней. Фаьен наказывает всегда после некоторой паузы.

Лоран заскучал: ведь речь шла не о нем и не о его делах. Единственная тема, которая его увлекала, это была его персона.

– Я меньше причинял вас страданий впоследствии?

– Это было очень интересно, – отвечала она.

Депутат посмотрел на нее уклончиво. Он счел, что слова «очень интересно» были произнесены без особой убежденности.

Лиза искала верный тон. Ее игра в обольщение лопнула, как неудавшееся суфле. Голова Лорана Же была занята его профессиональными проблемами.

– Надеюсь, это меню вам нравится? Вы как маленький хищник готовы поглотить весь мир, не так ли? Я представляю себе, как вы отведаете плавники акулы.

Она себя чувствовала вовсе не в форме.

– Не знаю.

Она бы с удовольствием ушла. Напряженность была неприятна и довольно унижительна.

– Смотрите, выбирайте! – сказал он.

Он вел себя, как отец после развода, хвастающийся своим ребенком в день обязательного визита.

– Я думаю, – сказала она с сомнением в голове.

– Что вы думаете?

Любое лишнее слово могло разрушить хрупкий мост, еще соединяющий их. Лоран совершил похвальное усилие, чтобы преодолеть свое нетерпение. Ужин этот был напрасной тратой. Девушка могла предложить свои услуги, и это было бы так же просто, как надорвать мешочек с конфетами. Кстати, он уже вовсе не был уверен, что хочет ею воспользоваться. Лиза показалась ему опасной. Ему хотелось поскорее выбраться из этой ловушки. Он посмотрел бесконечный список китайских блюд, разных вариантов цыпленка и говядины под всякими соусами.

– Не хочет ли мадемуазель попробовать наш суп из ласточкиных гнезд? – спросил внимательный метрдотель.

Нерешительность Лизы действовала на нервы Лорана.

– Можно подумать, что вы участвовали в джазовом оркестре, – сказала Лиза.
Он резко перестал отбивать ступней под столом бессвязный ритм музыки.

– Хорошая шуточка, – сказал он. – Даже забавная. Меня несколько нервирует мой сегодняшний день.

Она закусилла нижнюю губу.

– Хотела бы суп из плавников акулы, – сказала она. – И потом... Минуточку... Потом съела бы свинину, подслащенную ростками бамбука.

Пылкий, как сотрудник музея Гревен, Лоран размышлял о своей спальне и о ночном покое. Растянуться в своей постели с выключенным телефоном. Отдыхать. Райская фантастика.

– Мне тоже свинины, – сказал он.

Затем машинально продолжил:

– Что хотите выпить?

– Продолжу чаем...

– Чутьочку вина вас развеселит... Вы озадачиваете серьезностью и спокойствием... Вы всегда такая спокойная?

Он принял ее за простую девушку, которую можно озадачить пулеметными очередями из избитых слов. Словно играл с шарами, набитыми динамитом. Она холодно отвечала:

– Я предупредила вас, я не пустосмешка. Я даже мрачная. И я знаю это.

Он обернулся к метрдотелю:

– Дайте нам все же немного вина. От «Доля» не откажетесь, правда?

– Нет, откажусь, – отвечала Лиза. – Почти никогда не пью.

– Сделайте исключение сегодня вечером.

– Будьте любезны, не настаивайте...

– Ладно, – сказал он, – Принесите для мадемуазель еще чаю. А мне все же дайте бутылочку «Доля», – добавил он.

Надо было уцепиться за что-то согревающее. Вечер обещал быть катастрофичным.

Она закурила сигарету. Чтобы дым ему не мешал, он немного отодвинулся.

– Если моя сигарета вам мешает...

– Курите, курите, – сказал он. – Это мне несколько не мешает.

Глаза его уже пощипывало.

– Я бросил курить десять лет тому назад.

И в нескольких словах он рассказал свою антитабачную одиссею.

– Однажды я сказал себе: «Все, больше не возьмешь пачку». Надо иметь волю... Железную волю.

Она вмешалась:

– Господин Же, мне кажется, вам совсем не хочется ужинать со мной. Скажите об этом просто. Я не люблю чувствовать себя лишней. Освободимся друг от друга. Вы предпринимаете такое усилие... Жаль...

– У вас развита интуиция, – сказал он. – Но я уже заказал... Трудно все отменить.

«Какое ужасное мешанство, – подумала Лиза, – как он дурно воспитан!» Она расплылась в очаровательной улыбке и сказала:

– Ну и что ж, что заказали? Вы оставите им щедрые чаевые, и мы спасем наш вечер.

Она сказала «щедрые» и испугалась, что он к тому же скупердяй. Не только дурно воспитанный человек. Она терпеть не могла мелочность. Лоран подумал: девушка, похоже, смотрит на все свысока. Он признался себе, почти с сожалением, что в ней есть шик. В нем проснулся глубоко спрятанный снобизм.

Он немного подумал и сказал:

– Мы оба здесь, дорогая барышня. Нет никакой причины уходить сейчас. Правда, я пришел в состоянии немного напряженном. Вы в этом не виноваты. В конце рабочего дня я часто бываю в таком состоянии. Чтобы успокоиться, мне надо немного времени. Уверяю вас, что быть с вами для меня – удовольствие... Если нет, зачем бы я вас пригласил?

– Вот именно, – сказала она. – Вы ничего об этом не знаете. С сегодняшнего утра прошли целые годы. Предлагаю нам разойтись, еще есть время, а потом – все забудется... Согласны?

Самолюбие Лизы было задето. Надо было расстаться с этим человеком, изобразив нестесняющуюся женщину. Спасти лицо.

– У меня впечатление, что мы говорим на разных языках и не хватает переводчика... – сказал Лоран. – Будьте любезны, переведите получше мои чувства, ведь это – ваша профессия.

Лиза улыбнулась. Официант подошел и налил вина. Лоран продолжал изображать знающего. Понюхать, слегка прикоснуться, попробовать, оценить, подумать и согласиться.

«Невыносимо, – подумала Лиза, скрывая свое нарастающее возмущение. – Все эти типы с их вином, это смешно».

– Хорошо, – сказал Лоран официанту. – Ступайте. Барышне тоже налейте...

Она согласилась, не говоря ни слова. Пара глотков вина не стоила того, чтобы тратить столько энергии на протесты.

– Чин-чин! – произнес Лоран, выпивая из своего бокала. – Скажите мне что-нибудь приятное, и мы чудесно проведем вечер.

– Вы заслуженный оратор.

Это было все равно что заявить Дон Жуану, что он образцовый священник. Слово «оратор», да еще «заслуженный», его обескуражило.

– Вы слишком добры ко мне, – ответил он с грустью. – Я бы предпочел услышать, что вы со мной хорошо себя чувствуете.

– Почти что, господин Же. Я себя чувствую почти что хорошо. Но еще несколько минут тому назад я была как птица, севшая на провод, по которому пущен ток высокого напряжения.

Он был почти что польщен. Все определения, отличавшие его от обычных людей, ему льстили. Он чувствовал себя исключительной личностью, но надо было, чтобы ему это говорили. Часто говорили. Как можно чаще.

Официант принес им суп. Лоран опустил ложку в суп-пюре из спаржи с крабами и тотчас отложил ее – до того суп был горяч. Блестящий и внезапно разговорчивый, старающийся понравиться, он болтал: знаменитые имена и места смешались в ловко составленных сочетаниях. Он говорил и о парламенте, и о визите к королю африканской страны, упавшему в люк. Намекнул на еженедельные занятия теннисом: «Надо, надо часок, чтобы размять мышцы», и на редкое удовольствие от утренних прогулок по Булонскому лесу. Постепенно он смирился с рестораном и, поскольку девушка была умная и красивая, решил ей понравиться.

Лиза умело сочетала речь с паузами. Слушала она как профессионал. Благодаря такому умению слушать, ей удалось внушить своему отцу множество необычных идей, несколько коммерческих хитростей и рекламных находок. Во время какого-нибудь рассказа она произносила слова, служившие трамплином, возбуждающим воображение.

– Надо бы повести вас на какой-нибудь фильм Чарли Чаплина, чтобы вы повеселились, – сказал Лоран.

– Ой, не надо, Чаплин мне действует на сердце, погружает в тревожное состояние. Пугает меня. Подавляет своей способностью показать несчастье людское. Фильмы Чаплина вызывают чувство вины.

Он нашел, что Лиза Дрори способна дезориентировать. Ее фразы, даже самые невинные, открывали пути к мирам, где множество размышлений.

– Я не считаю, что надо придавать трагическое значение любому трюку... Если бы вы были более поверхностны, вы бы так не относились. Вы, должно быть, любите Вуди Аллена, правда? Все его считают гением. Я с трудом признаюсь: он мне кажется скучным. Это плохо?

Вдруг ей все это надоело.

– Я не могу быть веселой, господин Же. У меня умер отец. Недавно. От рака. Пять недель агонии. Он был примерно вашего возраста. Когда смотрю на вас, я думаю о нем и сержусь на вас, потому что вы – живой. Я просто завидую вашей жизни. В этом трудно признаться, стыдно, я знаю. Извините, что я сказала вам все это. Мне кажется, будет лучше, если вы проводите меня до моей гостиницы.

Застеснявшись и сконфузившись, он сказал:

– Я вас понимаю. Вы правильно сделали, что сказали мне это. Я очень вам сочувствую.

В напряженной тишине она поднялась. Ей больше не хотелось быть приятной. А ему не улыбалась перспектива провести долгий ужин в обществе юной дамы, которую одолевало горе.

Официант-китаец наблюдал за ними. Он допускал, что этот европеец не очень деликатен. Ведь он заставил ее ждать, а теперь довел до слез.

– Время, – сказал Лоран.

Надо же было что-то сказать.

– Время – великий целитель. Поверьте мне... Вы молоды. Вся жизнь впереди. Постепенно... Сами увидите...

Он избегал разговоров о болезнях, о невзгодах, о семейных проблемах. Ему приходилось только присутствовать на светских похоронах известных людей. На этих церемониях, по обыкновению, в определенный момент он тоже обходил гроб, но сразу после этого с облегчением покидал пропахший ладаном дом, чтобы предоставить это место другим. Затем пожимал руки окружающим. Одев на несколько минут маску неизбывного горя, он скучал и произносил слова, избитые, как морская галька, типа: «Если бы вы знали, как мы были близки... Какая потеря! Мужайтесь!» или же «Я всем сердцем вам сочувствую. Вы увидите: время все ставит на место».

Лиза плакала с открытыми глазами.

– Нет ли у вас носового платка? – спросила она. – Я не взяла свой. Думала, что так я не смогу плакать.

«Идиотская женская логика, – подумал он. – Если у меня не будет огнетушителя, мой дом не сгорит».

Он пощупал карманы брюк.

– Есть платок, – сказал он. – Помятый, но чистый. Возьмите... Если бы вы могли перестать лить слезы, это меня устроило бы. На нас все смотрят.

– Мне наплевать, – сказала она спокойно.

И она высморкалась, как сморкаются солдаты. С громким «вруум».

– Продолжим обед, если хотите, – сказал он. – А потом вы вернетесь в гостиницу и спокойно поспите.

– Я не сплю спокойно. Принимаю уймище снотворных, – ответила она.

И добавила, прищурив глаза:

– По какой-то теории, от любви лучше спят, чем от лекарств.

Он почувствовал легкую неловкость. Врожденная застенчивость, передаваемая из поколения в поколение, мешала ему произносить слова, выражающие отношения между людьми, их чувства и физическое ощущение.

Она еще раз высморкалась.

– Я успокаиваюсь, – сказала она. – Теперь будет легче. Скоро пройдет.

Потом добавила:

– Господин Же, я знаю: я вам надоела. Боль других людей это как жмущая обувь: очень хочется от нее избавиться. Я не имею права вас обвинять только потому, что вы – живой. Но отец мой так любил жизнь, больше, чем вы.

– Откуда вы знаете?

– Догадываюсь.

Она вытерла глаза. «Скоро дело дойдет до салфеток, – подумал Лоран. – Потом до скатерти... А потом – до моей рубашки. Это ужасно, такое количество слез!» Один из сидевших за соседним столом, благожелательный швейцарец, повернулся к ним. Буквально на секундочку. «Еще немного, и он предложил бы свою помощь с большим красным крестом во взоре», – подумал Лоран.

– Что неприятно в печальных обстоятельствах, – пояснила Лиза, разжевывая слова, как учитель, чтобы ученики успевали записывать, – что неприятно, так это незащищенность от переживаний. Переживание выжимает вас как лимон. Мамина подруга хотела, чтобы я пошла к врачу, который может временно приостановить действие слезоточивых желез. Человек остается со своим горем, а глаза – сухие. Представляете, какой ужас?

Он ничего подобного не представлял. Ужин был невозвратно испорчен. Невозвратно. Надо было уходить любой ценой.

– Перестаньте плакать, – воскликнул он. – Меня примут за мучителя детей.

– Вы не настолько стары, – ответила она.

Она не поняла смысл шутки.

Слово «старый» прозвучало как шипение пережаренного масла.

– Я не намного от вас отличаюсь... Горе очищает. Но от него становишься ворчливым, и люди начинают вас избегать. Как же быстро им надоела чужие невзгоды! Чем больше я плачу, тем старше выгляжу. Это вас устраивает? Нет?

– У вас очень специфичная логика, – сказал он.

Когда эта тема исчерпалась, он попытался создать хотя бы братскую атмосферу. Ни отец, ни любовник, ни старший брат, ни друг семьи. Всей семьи. Он скорчил гримасу. Доверенное лицо. Вот. Он вспомнил, что она говорила ему о демонстрации против ядерного оружия, о том, что он воспользуется этим ужином, чтобы приоткрыть дверь в мир молодых, о котором он мало знал.

– Не вернуться ли нам к моему изложению, – сказал он.

– Опять?

– Я хотел бы только узнать, что вы сохранили в памяти из этого дня. Какое впечатление произвели на вас те политические горизонты, которые я открываю? Какое будущее я обещаю?

– Вы хотите, чтобы я была искренна или говорила бы что попало?

– Будьте искренны, – сказал он.

Она задумалась.

– Вам, должно быть, непривычно...

– Что именно?

– Откровенность.

– Я вас слушаю.

– Вы не сказали ничего действительно интересного. Повторили банальности: равенство, социальная справедливость, немного об участии, но не слишком. Ни одного слова о главном. О сохранении жизни.

Весь в пыли, он пришел из бюро потерянных вещей, и ему было не до этикета. Эта девка была невеждой.

– Продолжайте!

Она высморкалась в ту часть платка, которая была еще сухой.

– Ваши рассказы не касаются людей моего возраста. Вы председатель? Ничего вы не измените.

– Вы говорите глупости...

– Вы действительно человек исключительный для тех, кому уже нечего терять. А для молодых это нуль.

Он был грустен, когда принесли свинину.

– Во всяком случае, – сказала она, – все это меня не касается. Моя мать – француженка. Ну и бог с ней. Может быть, она больше оценила бы вас, чем я. Да и то... Она относится к противной старой правой части населения. Господин Же, сегодня утром вы были такой понятливый, я не хотела бы портить вам вечер.

Она ела с помощью палочек, причем держала их естественно. И даже жестикулировала.

– Вы, наверное, не обратили внимания на мое предложение относительно голосования за атомные электростанции?

– Да нет, – сказала она – Я переводила вашу речь, значит, слушала вас. У вас не будет времени взбунтовать народ и переложить свою ответственность на него. Вот увидите, произойдет катаклизм, который изменит мир. На нас обрушится огромное несчастье. А потом те, кто останется в живых, попытаются устроиться в новом раю. На родовом уровне. Это будет даже не возвращение к земле, а возврат к происхождению рода человеческого. Политика германских экологов вытеснит воспитанных чистильщиков растений, тех, что вы у себя держите. Экология у вас не имеет того глубокого политического резонанса, который есть у немцев. А что будете делать с социалистами? Вы даже не упомянули о них в вашей речи.

– У меня есть партия. Это я. Я строю мой мир. Мне никто не нужен.

– Порою, – сказала она, наслаждаясь свининой, – можно подумать, что вы смертельно скучаете. Вы на грани засыпания. И потом, вы хотите нравиться всем на свете.

Лоран страдал. Но он воспользуется и этим уроком. Завороженный истиной, которая была прямо в сердце, временно отлученный от поддакивающих льстецов, он противостоял свободному мнению. Даже его жена Эвелина, советница, а порою судья, жалела его. Инстинктом она знала точно, что надо сказать, как и в какой момент сказать. За двадцать два года совместной жизни она стала его «лучшим другом», его напарником. С нею он спорил обо всем. Она имела дар смягчать его промахи и раздувать победы.

– Вы отказываетесь от атомных электростанций? – сказал он.

– У нас, в Австрии, – сказала она, – ядерное говно не имело успеха. У вас, во Франции, скажут: «Ну да, стройте электростанции, без этого наступит паралич». Но как только вы найдете место, вы превратитесь в «отвратительных гноителей, загрязнителей, согревающих живую речную воду и предлагающие своим избирателям – чтобы дегустировать с аперативом – мертвых рыб».

– Значит, нет решения, – сказал он, воюя с куском бамбука, впившимся, как заноза, между двумя зубами.

Острый край бамбука царапал ему язык. Он бы с удовольствием засунул в рот два умелых пальца. Но он сидел неподвижно и улыбался.

– Вы – настоящая «гибель карьеры». Стоит вам открыть рот, и хочется лечь и ничем больше не заниматься. Особенно – политикой.

– Есть мужчины умные, – сказала она и, испугавшись, что он может неверно истолковать это слово, добавила: – Умные, как вы, не так ли? Которые слушают других, как вы меня слушаете. Если бы вы могли внушить надежду изменить жизнь и сделать ее более приятной, люди приходили бы в восхищение.

– Я не буду им лгать. Будущее мрачно.

– Это с вашей точки зрения. Тогда почему вы хотите, чтобы люди голосовали за вас, если вы не можете ничего сделать для нас? Это все равно что приглашать похоронных факельщиков на крещение.

– Не вижу связи.

– Ну как же, – сказала она. – Будущее, которое вы предлагаете, – мертворожденное.

Лоран сжал челюсти, бамбуковая заноза торчала. Надо было с ней кончать, с этой девицей, да поскорее, и с этим ужасным существом, действующим лицом фильма научной фантастики. С пересохшим горлом и бьющимся сердцем, с взвинченными нервами, он хотел теперь только одного: уйти как можно скорее. Она осмелилась коснуться его образа, образа человека, смоделированного его советниками. Он считал неприкосновенным образ будущей Франции. А эта девица безо всякого уважения, не имея на это никаких прав, осмелилась задеть его. Он подумал об Эвелине, чье присутствие подбодряло его. Вот уже несколько дней он не видел свою жену. Можно жить под одной крышей и не прикасаться друг к другу. Когда он возвращался вечером, она уже была в постели, и вставала раньше его. Порою он сознательно избегал ее, когда ему не нужно было посоветоваться с ней, обсудить вместе ситуацию или просто когда у него была нечиста совесть и он не хотел услышать упрек. Он хотел поскорее покончить с этим трудным, но поучительным вечером.

– Мадемуазель, когда приедете в Париж, позвоните нам. Жена моя будет очень рада познакомиться.

Услышав слово «мадемуазель», Лиза стала смотреть на него с удивлением. Соблазнительный мужчина получил удар. Он стал светским стариком.

– Вы могли бы называть меня просто Лиза?

– Могу ли я позволить себе такую фамильярность?

– Те, кто ездит в Соединенные Штаты или посещает общество американцев, считают нормальным использовать имена. Вы ведь ездили по миру, не правда ли?

Это было в тоне последователя Баадера, беседующего с Людовиком XVI. Он откашлялся.

– Дело привычки. Итак, Лиза, вы посетите нас, если захотите... Я представлю вас моей жене. Она очень и очень мила.

Он говорил неправду. Эвелина, его жена, идеальная для политического деятеля в национальном масштабе, была «удобна» и «мила», когда ей хотелось быть таковой. Но не по команде.

– О, в один прекрасный день, – сказала она, – я поеду в Париж. Я уже бывала там несколько раз, но проездом. Если поеду, осмотрю город как следует, открою его для себя. Я не собираюсь ограничиться тем, чтобы сидеть в салонах и пить чай, приподняв мизинчик. Что касается вашей жены... Я очень мало подхожу для «семейной жизни». Сегодня утром у вас был вид завоевателя. За день вы изменились.

– Чего вы ожидаете от меня? – спросил Лоран, очарованный ее прямоотой.

– Прежде всего, что вы строго отругаете меня, быть может, после приключения. Сегодня утром я была убеждена, что вы хотите переспать со мной.

Заняв оборонительную позицию, он стал улыбаться.

– Я – мужчина, привязанный к своей жене.

Она проглотила глоток табачного дыма...

– Толстой цепью с железными гирями.

Он не любил такие шутки, которые его принижали. И он боялся возможного шантажа. Что он знал об этой девице? И что она знала о нем? Что хотела бы она получить от него? Почему эта провокация? Соблазнительница с огнем в одной руке и лейкой с водой – в другой.

– Вы не взвешиваете ваши слова, мадемуазель Дрори.

– Это верно, я должна бы быть более лицемерной. Таковой не являюсь. Сегодня утром я вам нравилась.

– И даже сегодня вечером. Вы очаровательная юная женщина.

Внутренне она начала зевать, прикрывая рот ладонью.

– Я вам надоел? – спросил он.

– Нет, вовсе нет.

– Я – верный мужчина.

Ему было стыдно за свою игру, но таким образом он подбодрял себя.

– Поздравляю вас, – сказала Лиза. – Так что же, ваша отвратительная репутация – не больше чем легенда? Вас считают настоящим браконьером. Вы бежите от одной победы к другой... После приключения.

Она выбрала последний кусок сладкой свинины.

– Такая плохая репутация? – повторил он, польщенный, но и озабоченный. – Так рассказывают?

– Говорят, что вы «бабник», «сердцеед», «соблазнитель».

Она с удовольствием ела рис, поджаренный по-кантонски.

– Вы, наверное, боялись и меня, и этого ужина? – сказал Лоран.

– Не надо преувеличивать. Я находила вас привлекательным. В объятиях опытного мужчины вашего возраста женщина не чувствует себя наглядным пособием по анатомии. Да еще вы и француз, это – преимущество. В одной статье я читала, что у вас любовные подвиги удаются особенно хорошо, что в этом плане все остаются довольными.

– Статистические данные типа Кинси мне ничего не говорят, – отвечал Лоран – Эта тема – вне пределов моих интересов.

Он представил себе рекламный текст по телевидению на тридцать секунд: «Такой-то детергент отмывает отлично, но француз занимается любовью еще лучше. Я не променяю моего мужа-француза ни на какого другого, даже если он моложе и сильнее».

– Все это – глупости, – сказал он. – Образ французского «бабника» – такой же банальный, как образ «девицы с площади Пигаль». Мы с женой составляем очень дружную пару, у нас есть...

Он хотел сказать – сын, но застенялся говорить об этом хрупкой девице, которая моложе Филиппа.

– У вас есть что?

– Не важно. Хотите десерт?

– Да, – сказала она, – с удовольствием. Блинчики, обожаю блинчики. С яблоками.

Десерт – это был сильный удар. Он надеялся, что она закончит ужин чашечкой кофе. Хотя бы еще пятнадцать минут для беседы. А эти чертовы блинчики надо готовить. Ждать, когда их принесут, красивые, горячие, пылающие, Время, чтобы она их съела – а ела она с возмутительной медлительностью, да еще с ужасными замечаниями, – она превратит его в порошок. Лоран же в виде порошков.

– Для мадемуазель блинчики с яблоками, а для меня кофе, – сказал он гарсону.

Он тут же пожалел, что заказал, от одного запаха его потянуло на рвоту. Кофе – это часть утра, начало дня и работы. Никогда не пил он кофе вечером.

– Вы не любите блинчики? – спросила она.

– Нет, – ответил он. – Нет. Не люблю блинчики.

– Бойтесь располнеть?

– Нет. У меня вес меняется с трудом. Просто не люблю блинчики.

– Но вы любите свою жену?

Под глазами сиреневые мешки, менторский тон. Кстати, она играла на этом.

– Да, я люблю свою жену.

Этим заявлением он утвердился в себе. Все могли слышать, скрывать было нечего. Великолепное ощущение, когда совесть спокойна хотя бы на этот вечер. Он вздохнул внутренне. На этот раз он взнуздal свое желание, любопытство, свое ненасытное желание «еще одну» занять в его галерее женщин-сувениров.

– Сегодня утром, – сказала она, – я уже воображала себя голой в ваших объятиях. В каком-то теплом уголке, мягком и темном.

Она говорила о своей наготе с глубоким безразличием. Она продолжала, а он не знал, коварна она или естественна.

– Но конечно, раз вы любите свою жену, это все меняет. Я уважаю супружескую любовь. Влюбленная пара – какая утешительная картина. Супружество, осуществленное в благородном смысле в угоду Господу. Кстати, полагаете ли вы, что Господь печется о чести и половой жизни каждого человека? Я рада, что в нашем прогнившем мире знаю мужчину верного, влюбленного, безупречного, значит, такое еще существует...

– Не будем преувеличивать, – сказал он.

Комплименты, которыми осыпала его Лиза, лишали его оперения. Она склонилась к нему:

– По сути, вместо того, чтобы воспользоваться ложной известностью, вы от нее страдаете! Не беспокойтесь. Я уже совсем вас не хочу. Женатый мужчина – неприкосновенный. К тому же, раз он любит свою жену, это уже не мужчина.

Он слушал ее как зачарованный. Она перевернула роли. Осмелилась выразить желание завладеть им. Это свободное обращение с языком возбуждало его, словно он слышал призыв к восстанию против лицемерия: «Выпрямитесь, согбенные еврейско-христианским воспитанием, сдержанные и строгие. Не гните спину. Наслаждение – не проклятие. Не бойтесь воспользоваться им».

Теперь он говорил с подчеркнутой нежностью:

– Я пригласил вас на этот ужин, потому что почувствовал, что вы несчастны.

Ирония во взгляде Лизы распространилась на бесконечно обширную область.

– Не думаю, что это правда. Вы – не добрый самаритянин. Я вам понравилась, и вы мне понравились. Вы изменили намерение. Это – ваше право. Имейте мужество признаться в этом.

– Вы мне показались жалкой, – настаивал он.

Она покачала головой.

– Человек несчастный не вызывает жалости. Я вовсе не была жалкой. Несчастной – да.

– Предположим, – сказал он, – но, когда ужинают с красивой молодой женщиной, не обязательно воображать ее в своей постели.

– Не обязательно. Вы совершенно правы, – сказала Лиза— Мужчины в возрасте за семьдесят абсолютно не заинтересованы. Ваша внешность меня обманула. Внутренне вы – старик. Отсюда и происходит недоразумение.

– Вы невозможны, – сказал он. – Вы никогда не видели верного мужчину?

– Сегодня утром у вас были все качества, кроме качеств верного мужчины.

Он подал знак метрдотелю, чей задумчивый взор витал у далеких горизонтов.

– Счет, пожалуйста!

Лиза испугалась, что останется одна. Она сказала:

– Я не хотела вас задевать. Не обижайтесь. Порою я бываю слишком откровенна.

Лоран вынул из кармана бумажник.

– Вы еще под впечатлением драмы, вами пережитой. Я отвезу вас в гостиницу.

– Я жду блинчики, – сказала она.

Он вздохнул. Это верно. Блинчики. Он достал кредитную карту. Был конец вечера, подумала Лиза. Этот мужчина, ни лучше, ни хуже с точки зрения красоты, но очень ценный, потому что был под рукой, этот мужчина сейчас ее покинет. Больше она его никогда не увидит. Она попыталась сыграть ва-банк.

– Сегодня утром я даже испугалась, что влюблюсь в вас...

– Лишняя причина соблюдать осторожность. Я должен избегать осложнений подобного рода. И вы – тоже. Не забывайте соблюдать вашу репутацию.

Давать советы моралиста позволяло ему избегать ловушек. Выборы приближались. Она наблюдала за ним.

– Не хотите ли вы, чтобы я бросила десерт?

– Вовсе нет. Ничто нас не торопит.

Лоран ликовал. Ему удалось обмануть. Значит, он пока в безопасности. Никакой авантюры и никакого возможного шантажа. Он цеплялся за успокоительный мир. Гарсон принес наконец блинчики.

– Не могу ли я получить также счет? – спросил у него Лоран.

Лиза начала блинчик с утонченной медлительностью. Лоран отказался от чашки черного кофе.

– Вы тоже не хотите? – спросила она.

Лоран подумал: «Вот так становятся святым человеком, героем или моделью благочестия. Когда боятся. Когда не могут сделать иначе».

Она положила вилку и отпила немного чаю.

– Если хотите, мы можем уйти, – сказала она.

Лоран заплатил по счету через кредитную карту. Он знал, что будет сожалеть, – душевные болячки уже проявлялись. Скоро Лиза перейдет в разряд воспоминаний. Они встали из-за стола и прошли весь зал ресторана. В раздевалке китайка с перламутровой кожей протянула Лизе ее плащ на меху, а Лорану – пальто темного цвета.

Чтобы выглядеть больше похожим на друга, более галантным перед тем, как расстаться, а главное, потому, что ему так захотелось, – он взял Лизу под руку. Вышли на улицу, сверкающую от дождя. Дрожа, Лиза подняла меховой воротник.

– Я бы хотел подольше быть вместе.

Он решил пройти часть пути вместе с ней.

– Пройдемся немножко. Найдем такси, и я доставлю вас до дома.

– Мой «дом» – бедная гостиница, – сказала она. – И я делю комнату с девицей, которая будет меня допрашивать. Мне вовсе не хочется возвращаться сейчас. Знаю местечко... – продолжала она. – Там есть пианист и саксофон... Играют, как настоящий джаз... Как в Новом Орлеане... Там можно будет поесть.

– Я не из тех, кто составляет приятную компанию для такого рода мест, – ответил он.

– Вам больше нравится быть один на один?

– Возможно.

Он опасался ее. Она раскрывалась с ложной невинностью. Плотоядный цветочек, замуфлированный под вегетарианца.

Она дрожала

– Глупо так страдать от холода.

– Ведь ваше манто теплое или нет?

– У меня душа мерзнет. Мне страшно. У меня комната на двоих с моей коллегой, но все же я одинока. Потому что потеряла отца. Не думаю, что вы поймете. Стрдание – вещь очень субъективная. И потом, французы и чувства... Это специфично. Тут некая смесь...

– Смесь чего? – спросил он.

– Противоречивых аргументов, которые извращают все.

– Вы об этом ничего не знаете, – сказал он, усталый.

– Мать моя француженка. Она перестала страдать через полгода после смерти моего отца.

«Через какое-то время, – сказала она, – нет резона продолжать оплакивать».

– Нельзя же всю жизнь плакать, – сказал Лоран.

– Вот видите, – воскликнула она. – Вы рассуждаете точно так же.

– Я не советник, не комментатор, не исповедник. Просто за день работы лектором я иссяк.

– Пожалуйста, – сказала она. – Я еще не хочу возвращаться.

Он покачал головой и взял ее за талию. Они шли медленно. Повстречали даму, которая терпеливо наблюдала за своей собакой, обнюхивающей что-то задумчиво и долго. Поднимет собака ногу или нет? Они прошли мимо и продолжали деликатную прогулку в женеvской ночи, Лиза повернулась к Лорану:

– У меня кошмары.

– У всех бывают... – сказал он. – Это жизнь. Есть средство от этого: лампа у изголовья и хорошая книга.

Она положила ладонь на руку Лорана.

– Пожалуйста, будьте совершенно откровенны, что вы думаете обо мне? Но скажите правду.

Он глубоко вздохнул, прежде чем ответить:

– Вы так же неосторожны, как и соблазнительны.

– А вы такой привлекательный, – сказала она.

Она остановилась. Лоран обнял ее. У нее было такое сильное ощущение, почти блаженство, подняла голову. Взволнованное лицо ее приняло детское выражение. Из-за этого он не смог поцеловать ее в губы. Они продолжили идти в прежнем ритме.

Потом она остановилась и повернулась к нему:

– Я... – сказала она, прикасаясь губами к обшлагам пальто Лорана.

– Вы?

– Я вела себя, как избалованное дитя. Вы еще сердитесь на меня?

– Нет. Я чувствую ваше смятение. Вашу печаль. Может быть, вам следует повидать вашу мамушку?

– Нет, – сказала она. – Кого угодно, но не ее.

Казалось, ночная Женева всплыла из сновидения.

– У нас есть дом возле венгерской границы, в Бургенланде. Я говорила вам, что отец мой был венгр?

– Да. Нет. Не знаю.

– Мы повсюду повесили кормушки. Птицы одолевали нас. Мать все время протестовала. Она говорила, что птицы все запачкают. Это было глупо с ее стороны. Нет ничего прекраснее нашествия счастливых птиц.

Надо было, чтобы он что-то сказал:

– Вы еще ездите в этот дом?

– Да, – сказала она. – Там остановилось время. Все вещи моего отца находятся там. Даже газета, сложенная на его письменном столе.

Он чувствовал себя перегруженным прошлым Лизы. Чужой семейный фольклор ему надоел. Темнота ночи нарушал голубоватый неоновый свет гостиницы. Она сказала скороговоркой:

– Не покидайте меня... С вами мне хорошо.

«Смешная победа, – подумал Лоран. – Победа ли это?»

Медленно, растягивая шаги, они дошли до гостиницы. Лоран сказал несколько нервным тоном:

– Не бойтесь. Ни меня, ни ночи.

– Не будем расставаться, – сказала она. – Я...

И она с трудом проговорила, как произносят первую фразу после удаления миндалин:

– Я хорошо занимаюсь любовью.

– Вам нечем хвалиться, – сказал он. – Не надо говорить такие вещи. Подождите меня здесь. Я вернусь.

Он оглянулся:

– Не убегайте...

Ему надо было преодолеть сильное желание сбежать. Но он поддался ему и вошел в гостиницу. Лиза стояла неподвижно на улице, беззащитная и без будущего, как срезанный цветок. Лоран прошел небольшой холл, увешанный афишами выставок, и подошел к приемному столику, узкому, как прилавок бара, где сидел дремлющий сторож. Он окликнул его вежливо, но энергично. Тот выпрямился и встал со стула.

– Здравствуйте, сударь.

– Свободная комната есть? – спросил Лоран.

Ему было жарко, он чувствовал, что за ним следят.

– Когда надо?

– Сейчас.

– На сколько ночей?

Лоран с раздражением ответил:

– На одну ночь. Может быть, только на несколько часов. Не знаю.

Швейцар посмотрел на таблицу, где висели на крючках ключи.

– 17-й...

Лоран положил на столик сто швейцарских франков.

– Это вам. Комнату оплачу отдельно. У меня багажа нет, со мной еще человек.

– Надо записаться, – сказал швейцар – Даже если на несколько часов. Это будет стоить восемьдесят франков.

Лоран заплатил. Испанец принял деньги. Он даже сказал «gracias Senor» вместо «спасибо, сударь», так он обрадовался сотне франков. И протянул ему ключ.

– Второй этаж. Комната с удобствами. Тихая.

Лоран добавил:

– Прошу вас проявлять равнодушие. Вы меня понимаете? Не смущайте молодую особу ни взглядом, ничем.

Швейцар согласился. С ключом в руке, Лоран вышел из гостиницы. Свет от фонаря цвета слоновой кости окружал Лизу.

Он подошел к ней и деликатно прикоснулся к ее плечу. Тело Лизы согрелось. Это прикосновение вернуло ее к жизни.

– У меня есть предложение, направленное против одиночества. Мы можем провести ночь здесь. Вместе.

И тут же добавил:

– Не бойтесь. Вы будете делать то, что захотите. Вы свободны. Никаких обязательств по отношению ко мне. Долой вежливость. Можете молчать, можете говорить или спать. Что вы сами решите.

Почти счастливый, он констатировал, что был искренен. Она колебалась, потом сделала несколько шагов по ступеням гостиницы. Лоран ее удержал.

– Я не хочу согласия против воли. Вы поднимаетесь не на эшафот, а идете в комнату в гостинице.

– Я поняла, – сказала она. – Я поняла. Я согласна.

Они прошли через холл. Портье отсутствующим взглядом проводил их.

– Нам на второй этаж, – сказал Лоран.

Она не вошла в лифт. Молча, с какими-то прерывистыми движениями, как в немом фильме, они подошли к комнате номер 17. Лиза вошла первой и остановилась. Комната была не более гостеприимна, чем убранный вокзал. Он снял с нее пальто. Надо было что-то сказать. Произнести несколько подходящих слов, поговорить о морали, обнимая ее, или же превозносить блага платонической любви, лаская ее. Восхвалять целомудрие перед тем, как целовать. А главное – не очень утомляться, поскольку завтра – собрание. Он взял ручку и записал в

блокнот мысль, которую считал нужным включить в предстоящее выступление. Пока царапал несколько слов, подумал о людях, отказывающихся от военной службы по религиозно-этическим соображениям. Надо было их уберечь.

Не останавливаясь, Лиза крутилась по этой комнате. Как зверек, попавший в ловушку и перепроданный ловкачами в душный зверинец. Она пыталась узнать эту клетку. А он убрал блокнот.

– Вы уже сожалеете, что пришли сюда? – заметил он. – Сделаем поворот кругом и уйдем. Нет ничего проще.

Это и его бы устроило: лечь спать в пижаме, почистив зубы.

– О нет, – сказала Лиза. – Наоборот! Я очень хорошо себя чувствую.

Она остановилась возле стула и начала медленно и методично раздеваться. Как ученик, который не может избежать своего занятия физкультурой.

– Эй, – вмешался Лоран. – А что это вы делаете? Я вас ни о чем не просил. Оставайтесь в одежде.

Она сняла бюстгальтер и подошла к нему с обнаженной грудью. Эта смесь невинности и разврата его стесняла. Само понятие победы здесь, в этот вечер, лопалось, подарок сам разворачивался.

Она спросила:

– Что будем делать? Будете меня любить или нет? Здесь холодно.

Он обнял ее. Она подняла голову, чтобы он мог ее поцеловать. Он прикоснулся к губам Лизы. Все это было просто до невероятности. Она отошла и направилась к кровати. Легла на нее и протянула руку Лорану. Дичь приглашает охотника. Он спросил ее растерянно:

– Вы действительно совершеннолетняя, мадемуазель Дрори?

– Да, – сказала она. – Еще немного, и вас попросят произнести мое имя.

Она сняла и юбку. Он наблюдал. Раздумывал. Не попал ли он в ловушку, великолепно подстроенную? Если бы не он сам снял эту комнату в первом попавшемся на глаза отеле, он бы мог искать всюду спрятанные микрофоны. Открыл шкаф. Увидел плечики из проволоки. В шкафу нет фотографа. Подумал и, сказав «Сейчас вернусь», закрылся в ванной. Снял пиджак, внутренние его карманы полны блокнотов и авторучек. Долго мыл руки и обтер лицо мокрым концом полотенца. Постарался не смотреть на себя в зеркало. Обернув вокруг талии простыню, вернулся в комнату, подошел к кровати, лег в нее и обнял Лизу.

– Хотелось бы знать, откуда эта поспешность, лестная для меня, но необъяснимая. Эта поспешность к незнакомцу, каким я являюсь... Вы такая неосторожная... Надо благодарить небо, что у меня нет дочери...

Он откусил бы себе язык, это была бы последняя мысль, но она не обратила на это внимания. Она повернулась к нему и поцеловала его. Поцелуй был легким и почти неумелым. Он тотчас получил обещание настоящего наслаждения. Из-за долгих поцелуев и наслаждений он даже забыл о завтрашнем собрании. Потом, поспешно и взволнованно, перевернулся на нее и попытался в нее проникнуть. При первом контакте она была сдержанна и почти перепугана. Даже изобразила сопротивление. Наконец, он овладел ею.

– Ты хотела сопротивляться... Все же получишь удовольствие, – сказал он.

Он восхищался этим словом: «удовольствие». Какая это победа над прежним воспитанием – иметь, наконец, мужество произносить запрещенные слова! Он научился называть все части тела крепкими словами, но только в обстановке сугубой интимности. Так он полагал, что стал взрослым и наконец свободным. Она растерянно слушала поток слов, исходивших из этого мужчины. Потом, довольный, слегка запыхавшийся, но не удовлетворенный комплиментами, лживыми или искренними, которыми осыпали его обычно случайные подруги, он произнес фразу, которая со времен Адама покрылась налетом времени:

– Ты счастлива?

Она наблюдала за ним. Медленно шевелилась. Облокотилась на одну руку, чтобы лучше его разглядеть.

– Счастлива?

Он молчал. Ее он считал вероломной в том, как она ставит его на место. Она встала, потянулась и направилась к умывальнику, где стала разглядывать себя в зеркале.

– Придумываем... Я была уверена, что после этого иначе выглядят... Другой взгляд. Другой рот.

Лоран все больше убеждался, что эта девушка не привыкла к физической любви. Она даже не соблюдала перерыв, небольшой отдых, составляющий часть ритуала акта. Даже искусственная нежность. Заменитель сахара для диабетика любви.

– Возвращайтесь, – сказал он.

Она оторвалась от зеркала.

– Чтобы спать?

– Не обязательно.

– В другой день, быть может, – сказала она. – На сегодня, думаю, с меня хватит.

– Я не настаиваю, – сказал он, обиженный. – Всего нет. А в другие дни... Других дней не будет. Я лишь временный любовник. Как и остальные...

– Должна кое-что вам сказать, – промолвила она. – Но не подпрыгивайте от страха и не зовите на помощь.

– Я слушаю...

– Вы – первый. Первый мужчина в моей жизни.

У него перехватило дыхание. Он посмотрел на нее.

Она продолжала:

– Так что это было, полагаю, и для вас и для меня, несколько деликатно. Когда я произнесла «ах», это оттого, что мне было больно. В следующий раз должно пойти лучше.

– Дура, – сказал он, разозлившись. – Лживая и коварная, а главное – дура!

– Не вижу причины для такого большого возмущения. С кем-то надо было начинать, – сказала она. – Выпало – на вас... Бывают и более серьезные драмы, чем эта!

Он был отправлен в раздевалку, туда, где хранятся людские декорации, его качества были проигнорированы, очарование растоптано и сам он послужил лишь для биологической роли, для совершения акта, старого как мир.

– Нахожу вас некорректной, – сказал он. – Вы приписываете мне позорную ответственность. Ставите меня в отвратительное положение. Вы хотя бы приняли меры предосторожности?

– Нет, – сказала она, напуганная. – Нет, я не предвидела вас. Пилюлю принимать надо за пять дней до акта с кем-нибудь. А я узнала вас только сегодня утром. Но не беспокойтесь. Это – моя проблема. Я никогда не явлюсь к вам с кричащим младенцем, показывающим пальцем на вас со словами: «Это он – отец!»

Внутренне пересыпая ругательства, он встал с кровати и гневно направился в ванную. Терпеливо подождал, когда наполнится ванна, старая, как музейная редкость, он уселся по горло в воду. Надо было отделаться от Лизы. Достаточно неудачи, даже случайной нескромности – и эта встреча послужит прекрасным событием для газет, специализирующихся на скандалах.

– Можно войти или не входить?

Он ответил бурчанием.

Она вошла в своем манто и села на табуреточку. Смотрела почти дружески, с интересом на этого типа с головой, набитой речами.

– До чего у вас недовольный вид... А ведь говорят, что мужчины счастливы и даже горды, когда в их объятиях побывала девственница...

– Да, в 1900 году молодые мужья говорили такое, – сказал он. – Но не будущий кандидат на президентских выборах, оказавшийся в захудалом отеле в Женеве, зная, что жена его ждет в Париже...

– Которой вы изменяете с девицей, будь она девственницей или нет, это неважно. Измена есть измена...

– Помолчали бы вы лучше, – сказал он.

Когда он говорил, губы его были на уровне края воды, затем добавил:

– Почему я?

– Это дело случая. Судьба, если хотите. Я всегда представляла себе, что моим первым любовником будет француз. Девичья фантазия. Француз, не слишком красивый, не слишком молодой, но полный очарования.

– Спасибо, – сказал он, – красивый портрет.

– Больше смахивает на комплимент, чем на обиду.

– Во всяком случае, вы – отчаянная лгунишка.

Она была довольна.

– Надо было наврать. Видите, какая ваша реакция... Если бы я не соврала, если бы не разыграла опытную женщину, вы бы убежали. А у меня столько горя.

– Ваше горе меня не касается. Так же, как не касаются психологические сложности, вызванные смертью вашего отца. Я – нормальный мужчина.

– Что вы называете нормальным?

– Без патологических наклонностей, милая. Кровосмешение меня сильно раздражает. Комплексы в духе Фрейда приводят в отчаяние. Немного преувеличенная связь между воспоминанием о вашем отце и мною стесняет меня. Во-первых, я люблю быть самим собою. Во-вторых, идентификация такого рода мне не нравится. Вот и все. Достаточно ясно?

– Не сердитесь. Спокойствие... Как раз перед тем, как вы стали меня обнимать, я подумала о моем отце, это верно. Но очень скоро стала думать о вас. Только о вас. Исключительно о вас. Успокоились? Да?

Он вышел из ванны, крепко растерся и запахнулся в купальную простыню. «Глуп как римский император», – подумал он. Со вздохом облегчения лег в кровать. Дважды энергично взбил слежавшуюся подушку и решил поспать.

– А я? – спросила она в щелку, приоткрыв дверь.

– Кровать у нас только одна, приходите спать. Я вас не выставляю за дверь.

– Я хотела бы спать в ваших объятиях, – сказала она. – Если буду только лежать рядом с вами, мне будет страшно.

– Идите сюда. Вы – ужасная кукушка.

– Я вам надоела?

– Очень. Кстати, я отвык спать с кем-нибудь.

– А я никогда не спала с кем-нибудь, – сказала она. – Думаю, что это должно быть приятно.

И, лежа рядом с ним, обнаружила:

– А у вас нет волос на груди...

Он подумал о Ландрю с чувством глубокого братства, нежно обнял Лизу и попытался объяснить ей реформу, которую хотел ввести: своеобразную «тринадцатую зарплату» пенсии для пенсионеров. Рука Лизы, нежно-сладкая, словно обмазанная медом, смутила его.

– Если хотите еще полюбить меня, – сказала она, – можете... Но не спешите! Терпеть не могу торопящихся людей.

Она была теплая, нежная, уютная. «Все будут возражать против этой идеи о тринадцатом месяце», – подумал он. А после этого занялся любовью, как гурман, вернувшийся к своему

десерту. С закрытыми глазами и напряженным лицом, она была и здесь, и где-то далеко. Он боялся ее молчания.

– Вы меня чувствуете? – спросил он, любуясь своей силой.

– Иначе было бы несчастьем, – сказала она. – Если бы я вас не чувствовала, к чему такие усилия?

«Когда-нибудь кто-то убьет ее», – подумал он. Потом спросил:

– Вам хорошо?

– Я сосредотачиваюсь, – сказала она, – и жду...

Он рухнул рядом с Лизой и попытался помириться с подушкой. Веки его тяжелели, благотворный сон вот-вот охватит его. Лиза искала свое место. Она перевернулась два или три раза, а потом приникла к Лорану. Наполовину уснувший и вежливый, он давал возможность захватить его, обследовать, левая рука его затекала под весом головы Лизы. Ностальгически он вспоминал свой парижский комфорт. По обоюдному согласию с Эвелиной они организовали крайнюю роскошь: после занятий любовью – спать в одиночку.

Она спросила:

– Вы в самом деле хотите стать президентом республики?

Эта фраза заставила его вздрогнуть. Проснулись все острые проблемы его политической жизни: Мюстер, который на этот раз в случае срочности не мог его ждать, выборы, его жена, его тесть. Грубо вырванный из блаженного состояния, он сумел не рассердиться и попытался спасти ночь.

– Сейчас не время об этом говорить, – сказал он.

Она продолжала:

– Как вы думаете, почему люди будут голосовать за вас?

В отчаянии он пробормотал:

– Надо изменить жизнь французов... Сделать так, чтобы деньги перестали быть подчеркнуто показным признаком, изменить, не резко... Ввести реформы, которые поначалу выглядят незаметными...

– Это все равно что сказать дантисту: «Сделайте мне искусственные зубы, но чтобы они были такими же некрасивыми, как настоящие, тогда никто не увидит разницу».

– Вы ничего не знаете о политической жизни французов, – сказал он. – Французов невозможно предвидеть, с ними надо обращаться деликатно.

– Они злятся, когда спят с девушкой, не имеющей прошлого...

– Да нет, это не то...

Он страдал. Плечо его замерзло, рука ооченела, а Лиза превратила его в никудышного донжуана, в какого-то местного Аль Капоне секса.

– Может, поспим?

Она зевнула, губами касаясь груди Лорана.

– Надо спать, – повторил Лоран. – Завтра у меня важное собрание. Забудь меня, Лиза...

– Согласно статистике, девять женщин из десяти помнят своего первого мужчину в жизни, – сказала она.

– А десятая? – спросил он.

– Совершенно презренная. Ничего абсолютно не знает. Я вхожу в число девяти. Буду помнить вас всю жизнь.

– Лучше будет, если вы меня забудете. Даже если у меня время от времени бывают заскоки, как в этот вечер, люблю я только мою жену.

Лиза тотчас отстранилась от Лорана. Через несколько секунд он ощупал кровать.

– Где вы?

– На бивуаке.

Завернувшись в покрывало кровати, свернувшись калачиком, она дрожала от холода.

– Вернитесь, – сказал Лоран. – Простудитесь.

– Нет.

– Да.

– Нет.

– Да, я говорю.

У него закружилась голова от этого прелестного кошмара. Он играл в игру «да-нет, да-нет» с девицей двадцати одного года в комнате отеля, в Женеве, накануне важного собрания.

– Будьте благоразумны и поймите как следует: мы никогда больше не увидимся.

– Я поняла, – сказала она. – Вы исчезнете. Кончено. Это как смерть.

Он поцеловал Лизу в щеку и понял, что она плачет.

– Опять слезы, – сказал он угрюмо.

Она вытерла нос простыней. Лоран весь сжался. Он оказался по воле случая с девицей, вытирающей нос углом мокрой простыни.

– Вы неделикатный и нелюбезный человек, – сказала она. – И лишены нежности. Вы загубили мое первое воспоминание! Вы настоящий грубиян.

Вот он, как на картинке. Конюх, повалившийся на сено молодую крестьянку. Он опасался завтрашнего дня, когда ему предстояло встретиться с внимательной и строгой аудиторией, глядеть в лицо своим будущим болельщикам глаза в глаза. Могут ли внушать доверие его глаза в сиреневом окружении?

– Лиза... Надо поспать...

Она отодвинулась от него с обезоруживающей легкостью.

– Спице.

– Вернитесь, – сказал он.

Она больше не двигалась, он даже не слышал ее дыхания. Он в третий раз овладел ею. Она с интересом испытала этот наскок.

– А она все же согревает, эта деятельность.

В сорок девять лет, он имел сегодня женщину трижды. Несравнимый самец, супермен, к тому же с умом, а эта дурочка смеет говорить о «деятельности».

Эвелина осыпала бы его комплиментами. У нее свои манеры и главное – свой язык.

Лиза хотела что-то сказать. Чтобы не дать ей говорить, он поцеловал ее.

– Ты хорошо целуешься... – сказала она.

– Значит, у вас есть достаточно опыта, чтобы судить об этом, – сказал он. – Это правда, еще в лицее мне говорили, что я хорошо целуюсь.

И он добавил:

– Почему на «ты» перешла?

– Трижды мы занимались любовью, можно и на «ты» перейти...

– Почему?

– Мне кажется логичным.

– Логичным? Это ничего общего с логикой не имеет.

– Нет, имеет, – сказала она – То, что мы сделали, – очень интимное дело. Оно стоит того, чтобы мы перешли на «ты». Для меня это была брачная ночь.

– Кто сказал «брачная ночь»? – спросил он.

– Когда спят с кем-нибудь впервые, это как начало свадьбы. Так говорят в Венгрии.

– А мы в Женеве! Теперь мирно поспим, а завтра утром забудем друг друга.

А она продолжала со своей стороны:

– Мой отец говорил...

Она замолчала. Лоран не шевелился больше. Он был уверен, что она заплачет.

– Вас не интересует, что говорил мой отец?

– Интересует.

– Он говорил: «По отцу человек – венгр, по матери – еврей, а по деньгам – француз».
– Такие определения болтаются на улице, – сказал Лоран. – Не понимаю, почему «француз – по деньгам».

Она еще раз высморкалась в угол простыни.

– Это противно, – сказал он.

– Я знаю...

– У вас нет больше носовых платков?

– Нет. Меня бы устроил платочек для верхнего кармашка. Можно взять из вашего пиджака?

Он резко повернулся.

– Из кармашка – нет.

– Моя мать – француженка и очень любит деньги.

– А кто не любит деньги? Любить – не то слово, лучше просто иметь деньги...

– Прижмите меня к себе покрепче...

Он послушался.

– Так что эта матушка?

– Она скоро утешилась после... после кончины моего отца.

– А вы бы хотели, чтобы она дала сжечь себя на костре, как индийская вдова?

– Да, – просто ответила она.

И добавила:

– Кстати, о костре. В нашем деревенском доме, посреди гостиной, есть фаянсовая печь. Прислоняясь к ней, мы греем спину. Вы в какой-то степени – моя фаянсовая печь.

Он начал опасаться каждой фразы.

Она продолжала:

– Если когда-нибудь вы меня все же полюбите...

– Да Боже мой, – воскликнул он, совершенно проснувшись. – Поймите же, что наше совокупление не имеет ничего общего с любовью. Мы удовлетворили физическое желание.

– Вы используете противные слова. «Желание», «удовлетворили», «физическое». Вы такой грубый...

– Я вынужден. Нам нужно избегать недоразумений. Моя жизнь строго регламентирована, у меня образцовая жена, совершенные сотрудники и политическая задача, которую я должен выполнять. То, что произошло между нами сегодня вечером, – случай. Полный очарований, но случай...

– Вы занимаетесь любовью с вашей женой?

В своем желании снести все, быть искренним, покончить с запоздалой дискуссией, он ответил, не подумав:

– Не очень. Редко. Мы женаты вот уже двадцать два года.

– Значит, она живет как йогурт, – сказала она. – С датой-ограничителем. Вы больше ее не употребляете. Любезно.

Лицемерный преподаватель морали, положив ладонь на левую сторону груди Лизы, объяснил:

– Для пары, спустя некоторое время, физическая любовь имеет лишь символический интерес.

– Это отвратило бы любого от женитьбы...

– Да нет, – сказал он, защищаясь. – Не забывайте соучастие, дух коллектива, когда речь идет о подмене мужчины в его карьере, глубокое умственное сближение...

– Аминь, – сказала она. – И пусть тела их покоятся в мире. Если они станут пеплом, тем лучше для них.

Она еще больше отдалилась от него в кровати.

Лоран страдал. Он испытал сильное желание надеть пижаму. Или хотя бы куртку. Никогда он не мог спать голым. Что сказал бы его тесть, видя этого важничающего зятя, мерзнувшего рядом с полууснувшей девицей на кровати с надежными пружинами? С высоты своего оккультного могущества, заваленный деньгами, деликатный и безразличный, он никогда не вмешивался в личную жизнь своей дочери, он не комментировал заблуждения Лорана, хотел только тишины и скромности. Связанный с несколькими банкирами, осторожными и предусмотрительными, он собирался финансировать в значительной степени избирательную кампанию Лорана, который становился оплотом довольно нового левого крыла. Эта новая идеология с трудом оформлялась. Выступать удачно перед толпой можно, лишь располагая крайними аргументами. Трудно кричать и стучать по столу, пропагандируя взвешенность и гармонию.

Лоран пытался вырыть свою норку, чтобы хорошо закопать корни диссидентства из Партии народного объединения. Он объявил также войну Коммунистической партии и играл тонкую игру, нападая на нынешнюю власть. Он с осторожностью обходил Социалистическую партию, был готов представить себе соглашение в последнюю минуту с фракцией, расположенной справа, избегая коллективистские идеи.

Лиза спала, и он тоже понемногу погружался в беспокойный сон.

Свет зари едва начал вырисовывать женеvские крыши и их трубы, когда Лоран, с тяжелой головой и пересохшим горлом, поднялся и сел в постели. В дурном настроении, очень обеспокоенный, тихо ругая себя, он попытался организовать план выхода из этого положения. Оглянулся вокруг. Он надеялся до последнего момента, что Лиза исчезнет. Она была тут и спала, легкая и словно забытая временем, тонкие руки с длинными пальцами лежали на одеяле, как два музейных предмета.

Лоран услышал, как хрустнул шейный позвонок. Сделал несколько движений головой, чтобы убедиться в подвижности позвонка. Он не хотел прогуливаться с неподвижной шеей, как Эрик фон Штрохейм в фильме «*Большая Иллюзия*». Надо убежать отсюда и избегать неприятных встреч. Вся надежда на то, что ни один рано встающий житель Женевы не узнает французского депутата, часто появляющегося на экране телевизора, выходящего из гостиницы сомнительной репутации без багажа, в сопровождении весьма юной дамы. Он хотел бы иметь в руке чемоданчик, этакое алиби, неважно какой, старый, обвязанный шпагатом, но чемоданчик. В эту ночь он где-то потерял часы. Искал их, ощупал всю кровать. Проснулась и Лиза, сперва посмотрела на него и тихо сказала: «С добрым утром». Он не ответил.

– Я вам сказала «с добрым утром», – сказала она, зевнув.

– С добрым утром. Я страдаю бессонницей, – сказал он мстительным тоном, – а когда сплю, сплю плохо. А когда я плохо сплю, просыпаюсь в ужасном настроении. А у вас – отличный сон.

– Когда как, – ответила она. – Зависит от ночи.

Она задумалась.

– Странно: проснуться бок о бок с кем-то. В той же кровати. Со мною это впервые случилось. Это все же очень большая близость – оказаться в одной кровати...

Она еще раз зевнула, не помятая и не утомленная, свежая – ей всего двадцать один год, – она посмотрела на него и сказала:

– Вам бы надо побриться...

– Чем? – спросил он. – Вашими добрыми словами?

Он чувствовал себя облупившимся, словно его подобрал полицейский автобус, отвез в участок, где его насильно дезинфицировали и помыли. «Бродяга, да, господа, я – бродяга. Прошу, требую предоставить мне свободу бродяги».

– Без бритвы еще можно обойтись, – сказала она, – но без кофе нельзя. Горячий, крепкий кофе. Большая полная кофеварка... И булочки. Много булочек...

– У вас представление о первом завтраке, как у Гаргантюа. Во всяком случае, еще слишком рано. К счастью.

Он оценивал расстояние между кроватью и ванной. Надо пройти несколько метров, завернувшись в одеяло или голым, как червяк.

Она его спросила:

– Вы не целуете меня? После ночи, проведенной вместе, надо бы поцеловаться.

– Со времен Адама и Евы мужчины и женщины проводят ночь вместе и расстаются навсегда, не целуясь.

Он искал часы в кровати, это были чудесные японские часы, электронное чудо техники, миниатюрные, ультраплоские. На их фантастическом циферблате незаметно проходят часы, дни и годы. Чтобы появились красные цифры на черном фоне, нужно было завести до конца это чудо техники, издающее тонкое «бип-бип».

– Настоящая высоковольтная линия, – сказала Лиза. – Вы ищете ваш билет на самолет?

– Ваши шутки – идиотские.

Он добавил тотчас:

– Ищу мои часы.

– Может быть, вы их проглотили. Что-то тикает здесь, где нет сердца.

И она ткнула пальцем в грудь Лорана. Он отодвинулся, чтобы она его не касалась. Наконец он угадал, где лежат часы. Ощупал простыню и вцепился в сокровище, спрятавшееся в складках простыни на уровне ног. Немного истерично, а главное, безапелляционно, часы своим «бип-бип» сообщали, что уже пять часов с половиной. Он надел часы на левую руку. Нашел частицу своей безопасности и вернул себе уверенность. По крайней мере, знал, который час.

– Милая Лиза...

– Можно с этим окунуться?

– С чем «с этим»? Куда окунуться?

– Не в сливки. В воду...

– Не знаю. Оглянитесь.

Она смотрела на него, хотела ему досадить. Она настаивала:

– Последняя модель, плоская, как бумага, и водонепроницаемая...

– А мне плевать и еще наплевать. Сейчас я хочу пойти в ванную, причем не голым перед вами.

– Вы стеснительны?

Она потянула веревку до конца.

– Не приставайте ко мне, – сказал он. – Я должен одеться и уходить.

– Мы должны оба одеться и выйти вместе, – сказала она.

– Об этом не может быть речи. Сперва я. А через десять минут – вы. Мы не будем выходить из отеля вместе...

– Как, вы хотите оставить меня здесь одну?

– Не говорите глупости. И сцен прощания тоже не надо устраивать. Мне надо соблюдать мою репутацию. Если кто-нибудь увидит меня выходящим отсюда, некоторые газеты оболуют грязью.

– А моя репутация? – спросила она. – Вас это не интересует? Вовсе не интересует? Предупреждаю: без вас я не покину отель.

Он сорвался с кровати и побежал, голый, к ванной. Услышал голос Лизы:

– Мы вошли «парочкой» и выйдем «парочкой»...

Из-за шума душа его голос с трудом достиг ее ушей.

– Не кричите, я все равно ничего не слышу.

Она не кричала, а говорила достаточно громко, чтобы голос ее пробился сквозь занавес шума.

– Вы – ужасный эгоист! Говорите только о себе. Если французы проголосуют за вас, значит, они дураки. Вы бросите их, когда воспользуетесь ими. Как и я. Предпочитаю умереть в этой комнате, чем выйти одна.

Сквозь холодный душ он попытался ее успокоить:

– Не надо настаивать, согласен, согласен, выйдем отсюда вместе. Но только помолчите.

– Я молчу, когда хочу.

Пока он чистил зубы пальцем, до него доносились упреки Лизы.

– Нет, но какой тип! Вы воображаете, что вы один на свете, или что? Да какой важный! Еще не получил власть, а уже параноик! Я тоже «слегка приведу себя в порядок». Мне тоже надо жить, выполнять работу, передо мной тоже загруженный день. Я тоже... Я тоже существую.

Полотенце, затвердевшее от бесконечной стирки, царапало кожу. Он вернулся в комнату, застегивая рубашку.

– Ваша очередь. Пошевеливайтесь!

– Больше никогда не увидимся, – кричала она из душевой, перекрывая бульканье воды.

Пока он одевался, она тоже оделась. Встретились лицом к лицу, живые и вместе с тем нереальные, как на негативе фотографии.

– Франкенштейн¹, – сказала она очень спокойно. – Вы – Франкенштейн. И я еще смягчаю.

– Не делайте мне упреков. Я ничего вам не обещал, – сказал он, теряя голову от желания уйти.

Он огляделся вокруг, чтобы убедиться, что ничего не забыл.

– До чего мелочен, – сказала Лиза – Ласковое слово ничего не стоит... Только одно ласковое слово. Вы – настоящий скупердяй. Скупитесь на слова, на чувства, на ласку.

– Послушайте меня внимательно. Даже если это в моей природе, хотя это не так, мне некогда быть нежным сегодня утром.

Он был почти удивлен ее откровенностью.

– Я не умею играть чувствами. Меня ждет самолет. Хотел бы, чтобы вы меня поняли и мы бы расстались по-доброму. Если нет, я оставляю вас здесь и ухожу.

Время было шесть часов без девятнадцати минут и двадцати секунд, как утверждали японские часы. Мюстер, должно быть, мучался от нетерпения в холле гостиницы. Он хотел покинуть Лизу элегантно, как в американских комедиях пятидесятых годов: легкий поцелуй в лоб, другой – в губы, с легендарной легкостью Кари Гранта. Но эпоха изменилась. И особенно в это утро. Его слова «расстанемся по-хорошему» попали как огонь в пороховую бочку.

– Вы могли бы, по крайней мере, разыграть комедию.

– Если бы у меня было время, я рассказал бы вам красивую историю.

– Что вы меня немного любите?

– Да нет! – воскликнул он в отчаянии. – Вы не знаете, чего вы хотите... Вы меня выбрали, покорили, поимели. Я лишь выполнял ваши желания. Вашу волю.

– Какое лицемерие, – сказала она. – Итак, вы – моя жертва, если я правильно понимаю.

– В какой-то мере да. Кто бы устоял перед вашими авансами? Вы проявили расторопность, свободу, хвалились вашей «опытностью». Потом я вижу вас девственной и сентиментальной. Это же с ума сойти можно!

Нельзя же быть одновременно женщиной, свободно отдающейся, и средневековой статуей, которую похищает рыцарь из крестовых походов. Вы вели себя как «свободная» женщина! Получайте последствия вашей свободы и дайте мне уйти. Вы забудете меня, милашка... Пошли.

---

¹ Франкенштейн – герой романа Мэри Шелли.

– Вы все-таки «нудный мужик», – сказала она. – Вчера я была права: первое впечатление всегда верно, даже если оно плохое. Вы понимаете, что я вам говорю? Вы гнусный тип.

Она направилась к двери. Он ее задержал.

– Не воспринимайте это таким образом. Все-таки нам было хорошо... Прошу вас... Я терпеть не могу драм. А вы создаете сейчас драму.

Она готова была избить его кулаками. Лоран ее удержал. Она заговорила очень быстро:

– Вы хотите еще и моральный комфорт? Голубой цветок в петлице? Добрую память в альбоме? Значит, всего хотите? Не получите ничего. Пустое место... Вы даже не приглашаете меня вместе позавтракать. Вы дурно воспитанный мужчина. У вас нет деликатности, только дурные манеры.

Он смотрел на нее, обезумевший.

– Милая Лиза...

– Лицемер!

– Слушай...

– И вдруг обращается на «ты»! Лучшие в мире рогалики пекут в Женеве и в Вене. Я умираю от голода, а вы даже не угощаете меня горячими рогаликами с кофе. Подлец!

Он уже держал ручку двери.

Она сказала еще:

– Вы можете пропустить одно собрание, вы – хозяин. А я, если не явлюсь на собрание, меня выгонят в шею.

– Простите меня, – взмолился Лоран – Приношу извинения, пришлю вам цветы, но позвольте мне сесть в самолет.

Она приблизилась к нему и попыталась улыбнуться. Сказала ему:

– Вы все же не совсем безразличны...

– Быть безразличным к такому человеку как вы? Вы невыносимы.

– Законченный, – сказала она. – Законченный. Откройте эту чертову дверь...

Он испустил вздох облегчения. Он пришлет ей цветы, может быть, даже письмецо, напечатанное на машинке, с его инициалами, нацарапанными внизу послания. Чтобы не могли воспроизвести в газете слово, написанное им от руки. Он вернулся назад. Вызвал по телефону такси, и сразу после этого они вышли из комнаты. Молчаливые и насупленные, спустились в холл. В регистратуре портье давал какие-то подробные объяснения молодому англичанину, который собирался пересечь старый город с какими-то усовершенствованными приспособлениями для человека, идущего по стопам Ливингстона. Лоран и Лиза вышли на улицу. Воздух был свеж и украшен блестками, напоминающими о зиме. Такси остановилось у края тротуара.

– Могу ли я вас отвезти?

– Нет, спасибо, – сказала она. – Мне надо подышать свежим воздухом. И выпить кофе. Много-много кофе...

– Так что же, могу вас действительно оставить? Не обидитесь?

– Бегите, бегите, – сказала она. – Бегите...

Не говоря больше ни слова, она повернулась и пошла по маленькой улице, ведущей к старому городу.

Освободившийся наконец, Лоран сел в такси. Машина пересекла город и подъехала к гостинице. Он увидел Мюстера, шагающего по тротуару. Опустив стекло, подал ему знак.

– Очень сожалею. Должен был вас предупредить, что приеду вовремя. Должен был бы сказать вам, где я был...

Мюстер смотрел на него с досадой.

– У вас есть десять минут, чтобы переодеться и побриться. Я приготовил ваш чемодан. Пошли. Ключ от вашей комнаты у меня.

В лифте, посмотрев на себя в зеркало, Лоран сказал:

– Ну и морда у меня!

– Здесь такое освещение, – сказал Мюстер. – В лифтах зеркала добавляют двадцать лет возраста и желтуху к тому же. Потом дела пойдут лучше.

Бегом добрались до комнаты Лорана. Он увидел чистую рубашку на его постели.

– Спасибо, друг мой, вы обо всем подумали. Вы и отец мой и мать, благодетель, одним словом.

Мюстер слушал этого человека, сильные и слабые стороны которого он хорошо знал.

В ванной Лоран накинута на щетину, что появилась на щеках. Голос Мюстера сопровождал шум электробритвы.

– После этого собрания, касающегося ядерной энергии, надо бы сочинить коммюнике для прессы. Скоро выборы, время летит. Сроки приближаются. Нынешний президент нянчит страну, как кормилица младенца. Дает соску, пудрит попку, а когда по-дружески шлепает по спине, французы отрыгивают, они чувствуют, что ими все время занимаются. Вам надо быть везде и повсюду и говорить обо всем. Этим утром понадобились бы «шары».

На их жаргоне они выражали некоторые идеи, запущенные в воздух, чтобы лопнуть как «шары». Эти коммюнике – шары – служили для стимулирования пресыщенного общественного мнения и для раздражения противников.

Лоран надел рубашку.

– Я верю в мудрость молчания, Мюстер. Пошли. Я готов.

Спускаясь в холл, они повстречали улыбающуюся японскую семью.

– А об инциденте с переводчицей еще говорят?

– Вчера галерка откровенно забавлялась, – сказал Мюстер. – В самолете будут газеты. Представляю, как будут выходить из положения.

– Еще немного кофе?

Светло-желтая, как нарцисс весной, швейцарская сотрудница склонилась к нему.

– Да, спасибо. А вы, Мюстер, будете пить?

– Всегда.

Испытав легкое угрызение совести, Лоран подумал о Лизе и об их несостоявшемся утреннем завтраке. «В любом случае это было невозможно», – заключил он. И он погрузился в чтение ежедневной газеты, распространяемой сотрудницей отеля. Он имел право на благонамеренную, хорошо сделанную публикацию в несколько возвышенном стиле, обращенную к денежной и настороженной публике. Хитрая газета пробуждала опасения и тут же предлагала средства от страха. Лоран привык читать по диагонали, чтобы выискивать только ту информацию, которая касалась его. Он с трудом переносил выпады. Перед его уходом из Партии народного объединения, прозванным «раскол Же», Жозеф Дюмулен, его патрон, собрал большую часть обвинений. Лоран обнаружил свою относительную независимость и то место, какое ему отвело общественное мнение, когда он удостоился первых личных нападок. Его внимание привлекла такая информация: «Лоран Же, основатель UFL, предпринимает многочисленные попытки утвердиться в качестве главы движения, размеры которого очевидны только для него одного. Возможная кандидатура Же на президентских выборах лишь умножит ряды второстепенных деятелей предстоящего политического фестиваля. Как и его коллеги, он подаст “суп” двум важным персонам – нынешнему президенту и Жозефу Дюмулену. Если Дюмулен выставит свою кандидатуру». Он склонился к Мюстеру и показал ему газету.

– Видели это?

– Ну да, это, возможно, не то, что вы хотели, но все же надо, чтобы о вас говорили. Ваше последнее выступление по телевидению было замечательным по точности и сдержанности. Наши соотечественники любят поспорить. Будем надеяться, что, несмотря на ваш поли-

тический переход из одного лагеря в другой, период, который мы представляем как период «обучения», вы все же будете рассматриваться как человек новый.

– Не знаю, почему Дюмулена продолжают возводить на такой пьедестал, – сказал Лоран.

– Потому что он – интересный феномен. Он – единственный современный политик, возраст которого для него – козырь. Он не изнашивается, а набирает моральный вес. С каждым днем его надежность увеличивается. Ваш уход имел двойной эффект. Ваше отсутствие идет ему и на пользу, и во вред одновременно. Он – опасный противник. Но будьте спокойны, с помощью вашего тестя мы будем вести исключительную кампанию. После ваших последовательных разрывов, ваших поступков, наделавших много шума, вы вошли в сознание людей. Вы сказали «нет» Партии народного объединения. Это достойное поведение. И к тому же оригинальное. Вы – одинокий всадник, а время работает на нас. Через семь лет ваш возраст будет лишь пятьдесят шесть лет.

У них в голове была таблица умножения. Они знали возраст всех политических деятелей, их конкурентов, их союзников. Они знали все о здоровье сердечной мышцы, о различных грыжах, простатах и о тайных связях каждого. Лоран очень любил наблюдать, как Мюстер производил разборы, они меняли его настроение. Жан внушал ему доверие, успокаивал его тревоги, он умел превращать будущую неудачу в славу на определенный срок. Политический ум Мюстера, его предчувствие, его опыт, терпение и особенно умение выражать события делали его необходимым и по-братски теплым. Объявили приземление в Париже. Стюардессы собирали подносы. Когда самолет приземлялся, Лоран на минуту представил себя в садах Елисейского дворца. С его собаками. Это прекрасная картина, когда он прогуливался с высоко поднятой головой, глубоко задумавшись. Он отстегнул ремень безопасности.

– В «пузырях», – подумал он вслух, – надо бы включить несколько фраз о наших проектах налога на капитал.

– На вашем месте я бы воздержался. Капиталом можно манипулировать, можно его ругать, ликвидировать, когда в нем не нуждаются. Подождем, когда вас официально провозгласят от нашей партии. В этой области психические воздействия непосредственны, надо их очень точно рассчитывать. Ваш тесть – миллиардер, а французы, даже на уровне СМИК’а, врожденные экономисты.

По прибытии в шумном холле, полном топота и возгласов, навстречу им вышел официальный экономический советник партии. Андре Боровиц был человеком, которого слушали и уважали, к его определениям и цифрам относились почти как к словам Евангелия. Рядом с ним был третий соучастник, элегантный мужчина, специалист по компромиссам, чемпион по уверткам: Антуан Ру. Они дружески окружили Лорана. Он чувствовал себя важной персоной, ведь его ждали с таким интересом. Они вышли из аэровокзала и сели в машину Боровица, который, ведя свою машину, посвятил их в курс событий вчерашнего дня.

– Прошу вас поговорить с господином Моро. Ваш тесть слишком настаивает на важности его индивидуальных домиков, обогреваемых солнечной энергией.

Плохо чувствующий себя, Лоран сжал зубы. Присутствие всемогущего тестя его и поддерживало, и мешало ему. С первой же их встречи этот бизнесмен его беспокоил, казалось, возраст ему не мешал. Моро по-хозяйски вел международные дела, большую часть времени проводил в игре в гольф с бывшими королями и ссыльными диктаторами. Перед этим человеком, слишком уверенным в себе, Лоран чувствовал, что вновь становится маленьким юристом, совершившим прекрасную женитьбу.

Антуан Ру мягко вмешался:

– Видимо, г-н Моро хочет использовать вашу избирательную кампанию, чтобы вывести на мировой рынок свои сборные дома, отапливаемые солнечной энергией. В этом проблема.

– Я понял, – сказал он. – Я приторможу этот «порыв». Мой тесть напористый человек.

«Хотел бы я в один прекрасный день раздеть их всех догола, – подумал Лоран. – Друзья, враги, советники, финансисты, фабриканты ловушек и горячие сторонники распродажи солнечной энергии. Использовать до конца и выбросить вон. Растоптать и раздавить!»

– Не надо, может быть, слишком его раздражать, – сказал Антуан.

– Что вы советуете? Я слушаю вас, – промолвил Лоран.

Антуан Ру, молодой технократ с бледным и живым лицом, выходец из богатой семьи, стал слегка потеть. В ту эпоху, когда Лоран в разгар конгресса вышел из Партии народного объединения, Антуан решил последовать за ним в движение диссидентов, финансовое существование которых обеспечивал Моро. Завороженный силой Жозефа Дюмулена, сохранившего великолепное спокойствие во время инцидента, он последовал за Лораном, будущее которого выглядело более обещающим. Лоран, будучи моложе, а главное, поддержанный более надежными силами, вне всякого сомнения, сохранит в любой ситуации свое равновесие.

– Сообщаю вам, – сказал Боровиц, – что просят вашего интервью. Хотят опубликовать портрет супружеской пары. Господин и госпожа Лоран Же в домашней обстановке.

– Это хорошо, – сказал Лоран. – Пресса начинает двигаться. Какая газета?

– Женский еженедельник.

Он был разочарован.

– Нам полезнее была бы «Матэн», чем издание – орган торговли бюстгальтерами.

– Вы слишком поспешны в вашем суждении. Те, что носят бюстгальтеры, голосуют. Оставьте при себе ваш антифеминизм. С женщинами-избирателями надо быть очень внимательным. И поскольку мы не перегружены запросами, удовлетворимся тем, что нам предлагают...

Антуан Ру нервничал. Он не хотел беречь Лорана и тратить много времени на манеры и реверансы. Он пощелкивал суставами пальцев. Лорана раздражал этот тик, но он воздержался от замечаний. Боровиц обогнал грузовик в очень узком проезде.

– Не убейте нас, – сказал Лоран. – Это доставит слишком большое удовольствие Дюмулену.

– Он будет не единственным счастливым человеком на ваших похоронах, – сказал Боровиц. – Найдутся и другие, кто порадуется. Интервью очень важно. Эта публикация весьма распространена среди врачей, парикмахеров, везде, где надо ждать. Но где их принять, этих двух журналистов? Ваши апартаменты на авеню Жоржа Манделя слишком роскошны, ваша собственность несколько бросается в глаза, и у вас такая же собака, как у президента. Той же породы, я хочу сказать.

– Это случайность, – сказал Лоран. – Мне предложили Прометея, я не смог отказаться.

– Случайность или нет, – продолжал Антуан, – это похоже на «ностальгию по власти», пинок в адрес общества. Человек, который прогуливается с собакой, как у президента, наверняка важная персона и достойный последователь, не так ли?

Лоран ответил очень спокойно:

– Сфотографируйте меня с таксой в муниципальном доме.

Мюстер захотел разрядить обстановку.

– Вам, быть может, надоело, не обижайтесь, но мы здесь, чтобы думать о деталях.

На голубом небе несколько серых облаков играли в догонялки. Они пересекли мост Александра III.

Боровиц продолжал:

– Скоро каникулы. Журналистка предложила, чтобы мы поехали к вам в деревню. Я не согласился, сославшись на работу. Там слишком красиво, трудно представить, слишком роскошно. У вас перед домом – пруд, а рядом – теннисный корт. Я бы предпочел приземистый домик, скрывающийся в виноградниках.

– Все это принадлежит моей жене, – сказал Лоран. – Вот она – богатая. Я – на пансионе. Можно было бы сказать, что я живу у нее и покрываю расходы моим заработком депутата.

Боровиц сказал очень мягко:

– Не надо резких выражений, идеальным был бы старый мещанский домик в района Луары. По возможности скрытый диким виноградником.

– И дедушка-железнодорожник? – сказал Лоран в отчаянии— Нет у меня такого дедушки. Почти все мои предки были юристами. Ничем не могу помочь. И дома у меня никакого нет ни в районе Луары, ни в ином месте. Передайте мне, пожалуйста, папку с документами собрания. Вы мне рассказываете процесс денег г-на Моро, будете расхваливать во время кампании. Надо знать, чего мы хотим.

Они воскликнули хором, утверждая, что он был слишком обидчив. Они заверили его в их преданности. Они вступили в партию, ее штаб-квартира была расположена в старинном патрицианском доме на левом берегу Сены. Им принадлежало здание. Они приглядывались к другому, отделенному от него внутренним двором. Владелица, практичная графиня, хотела передать здание лишь в пожизненную ренту. Лоран отказался, он надеялся, что его тесть сможет уговорить старую даму продать его без продления.

Едва войдя в зал собраний, где уже шумел народ, Лоран почувствовал себя счастливым. Он был в своей среде. Среди представителей региональных комиссий он провел настоящую кампанию по умственному оболещению. Надо было их убедить, что его присутствие необходимо. В это утро он должен был получить предварительное согласие на выдвижение своей кандидатуры на президентских выборах. Надо было понравиться всем и каждому.

С отлично сыгранным волнением, он говорил о своем прошлом, насыщенном событиями, не забывая период воинствующего синдикализма. Порою – завуалированный атеист, временами разочаровавшийся христианин, он представлял свою веру в прогрессистской упаковке. Возрождавший радикалистский идеал в одеяниях по последней моде. Язык его, изобилующий техническими терминами, говорил о знаниях «профессионального политика». Однако он не колеблясь выставлял себя как «искренний молодой человек», говоря о конгрессе, когда он был с Дгомуленом. Ему ужасно хотелось назвать его как-то обидно, например «гениальным стариком», но он погасил в себе это желание и произнес с лживой искренностью, которая никого не обманула:

– Я очень уважаю Жозефа Дюмулена, но наши пути разошлись. Расхождение в наших взглядах неисправимо. Мы представляем два разных мира, два поколения...

Он изменил тон, аудитория была зрелой, внимательной.

– Вот именно, возвращаюсь к проблемам поколений. Все мы – или почти все – отцы семейств, – сказал он. – Расскажу вам поучительный случай. Некоторое время тому назад один молодой человек сказал мне...

Этот молодой человек был его сыном. Ребенок, зачатый на матрасе, набитом деньгами и рожденный в цветах, давным-давно жил далеко от них.

– ...сказал мне: «Все вы – слепые. Ваши белые тросточки служат вам дубинками полицейских. С вами невозможно разговаривать. Создание технократами групп начинается в лицее и кончается в вузе. После великой паники в 1986 году вы стараетесь убить воображение. Вы придумали новый ГУЛАГ. Западный ГУЛАГ. ГУЛАГ секторизованных знаний. Мозги в банках. Кто еще может сказать, что французский дух господствует? Из молодых французов вы сделали цыплят, воспитанных на электричестве. Вы создали страну, где господствуют рантье, зачинщики, политиканы, противозаконные нотариусы, охраняемые соучастниками буржуями».

Рубашка Лорана взмокла от пота. И слова «Салют, папа!», сказанные его сыном, еще долго звучали в ушах его.

– Особенность нашей программы заключается в политике по отношению к молодежи. Мы должны создать страну, где молодые не чувствовали бы себя укрывающимися от прогресса, отброшенными неистойой индустриализацией. Мы – надежная опора для тех, кто вошел в систему. Что предлагаем мы для молодежи? Надо открыть ворота для солнца.

Расчувствовавшаяся аудитория стала аплодировать. Лоран тоже был тронут. Мюстер любил театральность Лорана. Когда надо было распространить гуманистическую идею, Лоран Же завоевывал явный успех. Сегодня он явно преуспел. Его приветствовали горячими аплодисментами, он зажег аудиторию, он ее захватил. Это был успех.

«Не забудьте, что через час вам предстоит посетить семью трудящихся иммигрантов!» Послание Мюстера было написано крупными буквами: Лоран не любил пользоваться очками на публике.

Внезапно почувствовав усталость, он покачал головой. Отказаться от этого визита он не мог. Это была трата времени, поскольку эти славные люди не голосовали, но визит такого типа порой вызывал фотографию, отклик. Все надо было использовать. Рукопожатие иностранного рабочего оправдывало себя.

– И в заключение...

Мастер синтеза, он умел выражать мнение, которое приписывал другим настолько логично, что даже те, которые считали себя противниками, оказывались анестезированными, значит убежденными.

С блестящим от пота лбом, с рубашкой, прилипшей к спине, он взглядом задал вопрос Мюстеру. Ему нужна была доза комплиментов. Подобно тому как тюлень заглатывает рыбу, которую дрессировщик бросает ему в вознаграждение, он проглотил бы любую похвалу, чтобы продолжать усилия. Мюстер опустил веки в знак согласия. «Все хорошо, – подумал Лоран. – Все в порядке».

Быстрым шагом, с лицом, наполовину спрятанным в меховой воротник, Лиза шла по старому городу в Женеве. Она была спокойна и грустна. Никого не могла она в этом обвинить, кроме самой себя. Она сама хотела, чтобы случилась эта ночь, сама выбрала мужчину, который ей понравился. Она приняла Лорана Же вместо снотворного. Нельзя сказать, что она спала с большим удовольствием, но спала иначе. Она поднималась и спускалась по улочкам, туфли ее порой скользили по брусчатке, взглядом своим отмечала красивые старые здания. Утро было прекрасное и по-весеннему бледное. Незаметно для самой себя пересекла широкую дорогу, на другой стороне улицы увидела ступени, которые спускались к памятнику Кальвину, в окружении прекрасного парка. Клумбы цветов были разбросаны по газону как живые восточные ковры. Проходя мимо скамьи, она машинально поздоровалась с пожилым мужчиной, который ответил на ее приветствие по-немецки. Собачка, сидевшая на коленях мужчины, смотрела ей вслед.

Ей хотелось есть, она была в подавленном настроении и испытывала забавное чувство, что стала взрослой. Дальше, в парке, она увидела кафе, терраса которого еще была покрыта утренней росой. Служитель снимал со столов перевернутые на них стулья.

– Здравствуйте, – сказала она ему. – Можно уже заказать кофе?

– Да, – ответил мужчина. – Садитесь здесь... Рогаликов тоже хотите? Их только что привезли. Они еще теплые.

Он провел по столу еще мокрой мочалкой.

– На одного человека?

Ей стало больно. Поспешно ответила:

– Отец мой сейчас придет.

Она села на холодный стул. «Какую глупость я сделала, – подумала она, – что так соврала!» Неторопливый официант вернулся и поставил на стол две чашки и кофейник, а также корзинку, полную рогаликов.

– Приятного аппетита, – сказал он.

Она медленно ела, наслаждаясь каждым глотком. Дважды налила себе кофе. В стороне бородатый молодой человек внимательно читал «Сюисс». Она почувствовала, что за ней следит гарсон кафе. Быть может, ей показалось, что он следит за ней? Она собиралась попросить счет, когда к ней подошел старик со своей собачкой. Она поднялась и пошла ему навстречу.

– Извините, что я вас побеспокоила, сударь.

– Вы меня не беспокоите...

– Вы видели меня только что при входе в парк.

– Помню.

– Послушайте, месье. Я сочла гарсона нескромным, когда он спросил, одна ли я. Я сказала, что жду отца, и теперь мне стыдно, что я так ухожу. Если вы выпьете кофе со мной, мое самолюбие не пострадает.

Он улыбнулся и сказал:

– Почему бы нет? Который ваш стол?

Она показала:

– Вон там... Спасибо, что пришли.

Они приблизились и сели.

– Не надо заботиться о мнении других. Если начнете думать об этом, никогда не успокоитесь.

– Принцип этот я знаю, – сказала она. – Теоретически я этим не занимаюсь. А на деле – да.

Увидев, что оба они садятся, собачка уселась на третий стул.

– Наливайте себе, – сказала Лиза, показав на кофейник. Есть и молоко. Надеюсь, еще горячее.

– А вы тоже налейте себе немного кофе, – сказал мужчина. – Составьте компанию. Согласны?

– Вы швейцарец, немец? – спросила она.

– Нет, голландец.

– В Женеве проездом?

– Вот уже двадцать лет. Живу здесь. Я влюблен в этот город.

Вдали гарсон видел приход «отца».

Голландец аккуратно намазал масло на рогалик. Он не спешил, не проявлял жадности или поспешности. Собака отказалась от малейшего куска.

– Он ведет себя, как кошка, – сказала Лиза. – Обычно собаки более прожорливы, правда?

После паузы:

– Живете один?

Указав на собаку, ответил:

– Живу с ним.

Добавил с живым интересом:

– Вы хорошо говорите по-немецки. С небольшим акцентом, впрочем.

– Я австрийка, – сказала она. – Переводчик-синхронист. Могу переводить на три языка: французский, английский, немецкий.

Он попробовал кофе.

– Три языка... Такая молодая... Вам повезло. Вам помогло окружение, не правда ли?

– Языки – это была идея фикс моего отца. По окончании лицея, в семнадцать лет, я поступила в школу переводчиков. Прочилась три года. Отец очень гордился.

– На его месте я бы тоже...

Слова слипались в горле у Лизы. Сквозь прозрачный экран из слез возник расплывчатый пейзаж из деревьев и кустов в форме факелов.

– Дышите глубже, – сказал голландец. – Слегка откройте рот и глубоко вдохните.

Она подчинилась.

– Ну вот, – сказал мужчина. – Медленно. Теперь выдохните. Также медленно. Никто не торопит.

– Вы говорите как врач.

– Нет, просто по своему опыту я знаю симптомы боли. Отец ваш умер?

Она кивнула головой.

– От несчастного случая?

– Нет, – ответила она. – От рака.

Слово это прочистило горло.

– Недавно, да?

– Несколько месяцев тому назад. Резкое обострение болезни. До этого не было признаков. Ни бледности, ни худобы, ни усталости. Ничего. Спортсмен, красавец, настоящий красавец. Элегантный, стройный. Руки умные, теплые, добрые. И вдруг ему стало плохо. Он не хотел этим заниматься. У него было слишком много работы. Я была обеспокоена. Боль не проходила. Я настаивала, чтобы он пошел к врачу. Пришлось делать много анализов. Ждали результатов. Я жила как загнанный зверь. А он – нет. Чутьочку нервничал, что приходилось заниматься не работой, а чем-то другим. Месье, – продолжала она, и ее охрипший голос заинтриговал собаку (она наклонила голову направо, чтобы лучше наблюдать) – мне не хочется жить без него. Отца я любила больше всего на свете. Может быть, слишком.

– А ваша мать?

– Ее горе было ограничено во времени. Она плакала, глядя на часы, чтобы не опоздать на самолет. Она находила, что страдать неудобно. Как только отца кремировали, она уехала в свою любимую французскую провинцию к кузенам, кузинам, к состарившимся друзьям детства, к бывшим поклонникам. Мне она объяснила, что жизнь продолжается. «Об остальном, – сказала она, прощаясь, – побеспокоятся адвокаты».

– Сколько ей лет?

– Сорок три года. Ужасно то, что отец мой ее обожал. А она должна была бы посвятить себя воспоминанию о моем отце.

– Вы полагаете, что имеете право осуждать ее?

– Да. Несправедливость вопиющая, – продолжала Лиза, сотрясаясь от гнева. – Отца я любила всей душой. Всем сердцем. Но в его сердце мать моя стояла раньше меня. Я была только его дочерью.

– Вы не правы, устанавливая порядок предпочтений в любви. Я потерял ребенка и никогда не хотел сравнивать это горе ни с каким другим. Ни с чем.

Она слушала его с бесконечным вниманием.

– Потерять ребенка – это адская мука, – продолжал он. – В ваших воспоминаниях ребенок продолжает расти, но вы не можете его потрогать, поцеловать. Вы празднуете день рождения некой тени. Время проходит, а боль растет, расширяется. Боль подростка превращается в боль взрослого. Боль женится. Эта боль приходит к вам каждое дикое воскресенье, которое судьба вам посылает. Сегодня моему сыну тридцать четыре года. Ему было восемь лет, когда я его потерял.

– А жена ваша?

– Вскоре после этого мы с ней расстались. Нас связывал ребенок. Перед лицом такого горя каждый день нужно преодолевать препятствие. Человек преображается, он уподобляется альпинисту. Дни становятся горами, которые надо покорить.

Лиза сказала поспешно:

– А я стала злой. Правда, злой. Я ненавижу мужчин возраста моего отца. Я завидую, что они живут. Я провожу сравнения. Говорю: такой-то глуп, бесполезен и злосчастен. Я стала омерзительна. Настоящее чудовище. Не выношу людей, которые жалуются... Парочки жалующиеся, ссорящиеся. Каждый раз говорю себе: вот они должны были быть на месте моего отца, а он обожал жизнь.

– Не переживайте, вас трясет, – сказал он. – Успокойтесь... Вы сейчас почувствуете тепло солнца.

– Я замерзла, – сказала она. – Замерзла.

Голландец подал знак жестом гарсону и рассчитался с ним.

– Я должна была предложить разделить счет, – сказала она.

– Вы шутите?

Он вырвал из блокнота листок и написал на нем адрес.

– Позвоните мне, если вернетесь в Женеву.

– Спасибо, – сказала Лиза. – Спасибо.

Засидевшаяся собака прыгнула на пол.

– До свидания, – сказал мужчина. – Надо привыкнуть жить без него. Он будет помогать вам.

– Возможно, – сказала Лиза. – Спасибо за понимание.

Через несколько секунд она встала и пошла быстрыми шагами к своему отелю. «Надо идти работать, – подумала она, – принять ванну и работать».

Когда она переходила улицу, какой-то водитель затормозил, недовольный, в последний момент. Он задел ее бампером. А она даже не заметила этого. Погруженная в свои мысли, она мечтала убежать. Согласилась бы на любую авантюру, лишь бы переменить небо над головой. Первопроходцем в Новой Зеландии, туристом в палатке на Северном полюсе, белолицей любовницей у африканца – не расиста, доброго и интересного, женой, предлагаемой проезжим гостям гостеприимным мужем-эскимосом, – неважно кем. Она признала, что уехала бы даже с тем французом, очень торопившимся. Да, она уехала бы с ним, чтобы ложиться спать, как собака в конуре, которую образует тело мужчины, принимающего вас во время ночного путешествия.

Лоран довольно поздно вернулся в свою квартиру на авеню Жорж-Мандель. Он поднялся на остекленном лифте, недавно установленном в этом старом, роскошном здании. Вышел из прозрачной клетки на седьмом этаже, перед единственной дверью на площадке в виде полукружия. Стал искать ключи. От одежды его пахло сигарами. Курильщики ему надоели, но он им испортил бы настроение, если бы стал протестовать против табака. Он зевнул, да так, что челюсти его шелкнули. Не переставал он удивляться техническому совершенству ключа и прилаженности его к замочной скважине. Мастер, устанавливавший систему, артист в своем деле, предупредил их: «Если вы потеряете ключ, придется менять всю систему». Потеря тотчас отмечалась новой установкой. Широким жестом слесарь охватывал замок, дверь, дом, всю жизнь. Он проник во вход, этот батискаф, открывающийся в весь мир богатств Эвелины. Во время их женитьбы абсолютно все, предусмотренное списком, составленным нотариусом, было на месте. «Подпишитесь, месье. Здесь – тоже». Он проставил на документе свои инициалы. «Вот так, и последняя подпись. А теперь вашу фамилию полностью и вашу обычную подпись». Документ подтверждал, что он ничем не владел. В приданое он принес только свою ненасытную амбицию к успеху в политике и надежды, которые другие возлагали на него. В начале супружеской жизни он действительно любил Эвелину. Затем он стал рассматривать ее скорее как блестящую спутницу в политическом ралли. С самого начала Моро сделал так, чтобы они избежали ловушки совместной жизни. Эвелина, супруга, о которой только можно было мечтать, не имела недо-

статков. Она постоянно проявляла несравнимое ни с чем чувство меры и выдающуюся деликатность. Как только кончилась их брачная ночь, исполненная как обкатанный номер совершенных дуэлистов под невинными взорами толстощеких ангелов отеля «Даниэли» в Венеции, Эвелина переехала в соседнюю комнату. Их миры были тотчас разделены небольшим салоном с окнами, смотрящими на Большой канал. Так что он мог засыпать один. Настоящий рай. Их подвиги в постели стали спортивными достижениями. Одни и те же предпочтительные позы их вежливо принимались как гимнастические фигуры. Оба старались доставить удовольствие друг другу. Каждая частица их тел, запланированная и почти зафиксированная, должна была получить свою долю «экстаза», чтобы акт считался выполненным как должно.

В тот вечер, как обычно, он положил свой портфель на пол, рядом с комодом, подписанным, отштампелеванным, проверенным экспертом, вызывавшим восхищение и мало использованным из-за хрупкости инкрустаций из слоновой кости и черного дерева. Он увидел записку, лежащую на мебели, освещенной дорогостоящей китайской лампой. Узнал почерк Эвелины: «Должна поговорить с тобой сегодня вечером. Целую и жду. Эвелина». Он тотчас сжался. От усталости он никак не мог, полагал он, слушать или говорить. Не мог выдержать продления этого дня. Его спальня по соседству с роскошной ванной и комнатой для занятий физкультурой дышала покоем и тишиной. Он заметил еще одну записку: листок, приклеенный к дверце шкафа: «Прошу тебя прийти. Жду тебя». Угрюмый и почитающий себя преследуемым, он снял пиджак. «Что за профессия! Какая бардачная профессия!» Он отстегнул и помочил. Они были осуждены Эвелиной, но после многолетней борьбы он приобрел право носить их. Он их понастоящему отвоевал. Его связь с подтяжками вызывала в нем чувство вины, но он перешагнул через это: они обеспечивали ему состояние брюк в боевой готовности с безупречной складкой. Отправив обувь в угол, он снял носки и бросил их в люк для грязного белья. А через несколько секунд он был наконец под душем. Скоро, с расслабленными мышцами, он будет смотреть, растянувшись на кровати, конец американского фильма. Ему до сих пор не удавалось посмотреть фильм от начала до конца. Пришлось удовлетвориться последними кадрами, изображающими лицо преступника, корчившееся в гримасе со следами крови.

Он накинул халат и увидел на зеркале шкафчика для аптечки послание, написанное красным фломастером: «Приди». Почему она так спешила? Он задумался. Если не пойдет, Эвелина сама явится. Голова зажата в тиски, сердце изношено, как старая боксерская перчатка, – в этот вечер он чувствовал себя на десять лет старше. Он бы предпочел симулировать небольшое недомогание, но Эвелина срочно вызвала бы друга, модного врача, молодого и сверхэлегантного, привыкшего к людям, умирающим от переутомления высоким жизненным уровнем. Не очень уверенный в своих диагнозах, осматривающий больных с явным страхом, он пользовался стетоскопом с возбуждением сексуально озабоченного человека, который наконец осмелился получить в порнографической лавке объект своих фантазмов. Лоран задумчиво вошел в свою комнату. Что делать? Стал переключать каналы телевидения. Увидел ностальгическую картину, как убийца Гарри упал, пронзенный пулями, на пустынном углу американской улицы. Как обычно, он пришел к концу многосерийного фильма. Он почувствовал себя лишенным человеческих прав. Любой другой, но не он, имел право на отдых, смотреть фильм. По внутреннему телефону позвонил жене:

– Эвелина? Добрый вечер, дорогая. Я дома. И больше не могу.

– Я тоже... Больше не могу. Если ты не можешь ходить, я приду.

– Я устал до невозможности, – сказал Лоран. – Не знаю, чего ты от меня хочешь, но наверняка это может подождать до завтра.

– Ты всегда устаешь до невозможности. И вчера был такой, и завтра будешь тоже. Мне надо с тобой поговорить.

– Сейчас приду, – сказал он. – Иду...

Он повесил трубку, пересек квартиру. Взял с собой стакан воды, даже не начав пить. Постучал в дверь комнаты Эвелины и сразу после слов «Входите» начал погружаться, как в воду, в приятную атмосферу жены, утонченного специалиста ароматных ванн и продуктов красоты, которыми она ублажала свою кожу.

«На необитаемом острове, привязанная к пальме, вспотевшая от страха перед бандой беснующихся пиратов, собирающихся ее насиловать, будет ли от нее, наконец, исходить запах женщины?»

– Вот, – сказал он – Твоя настойчивость ужасна. Так что же случилось такого важного?

И потом добавил:

– Добрый вечер, дорогая. Ты восхитительна.

Он выдал комплименты, как чаевые. Часто это было полезно.

В тунике бирюзового цвета, она лежала на кровати с открытой книгой в руках. Это была спортивного вида блондинка, напоминающая своей нервной красотой гоночный автомобиль. Она внимательно посмотрела на него.

– Мы не виделись десять дней.

Стакан с водой терял свою прохладу, он мешал ему.

– Может быть, ты присядешь...

Он подошел к креслу в стиле Людовика XV и сел в него, как в кресло дантиста.

– Слушаю тебя.

– Я так часто повторяла эти трудные фразы, что теперь не могу их произнести. Я придумала красивые слова, говорила о величии и бедах супружеской жизни...

– К делу, – сказал он. – Иначе я засну на ходу.

– Одним словом, – сказала Эвелина, – я ухожу от тебя. Хочу развестись.

Он отпил глоток воды.

– Ты уходишь от меня? – спросил он. – Я правильно понял? Ты хочешь развестись?

– Как можно скорее. Хочу спасти то, что во мне еще можно спасти. Хочу возобновить свое существование с мужчиной, которого я люблю, думаю, что люблю. Между тобой и мною все кончено.

Перед этими трескучими словами он был беспомощен, как средний игрок перед Боргом. Поставил стакан на ковер возле кресла.

– Хотел бы понять, – сказал он – Почему? Что я сделал?

– Всё. Всё, что можно сделать плохого, унижительного, позорного.

– Но что эта за набор оскорблений? Остановись!

– Нет. Я дико натерпелась от тебя. От нашей пустой жизни, от твоей лжи, от моих подлостей.

– В чем твоя подлость?

– В том, что я так долго терпела твой обман. Я попыталась встретиться с тобой в Женеве. Я хотела бы все это сказать тебе по телефону. Тебя невозможно было разыскать.

Он покраснел слегка.

– Мне пришлось присутствовать на дополнительном заседании поздно вечером.

– Правда? – сказала она. – Какая трудная жизнь у тебя? Не хочу больше разделять ее с тобой. Все кончено.

Он осознал важность этого решения. Если Эвелина говорила серьезно, а вид у нее был не шуточный, о его президентстве не могло быть и речи. Ему предстояла единственная перспектива: быть подпевалой под командой какого-нибудь типа, более везучего, чем он. Без поддержки Моро его президентская кампания была невозможна.

– Спокойствие, – сказал он.

– Я не нервничаю.

– Отец твой в курсе?

– Да.

Прощайте, огромные плакаты с его улыбающимся лицом, с веселым боевым настроением.

– Не бойся, – сказала она. – Папа тебя поддержит, если будешь сотрудничать и не станешь надоедать с разводом. Как говорят наши адвокаты, с учетом нашего положения в Париже и благодаря взаимному согласию, я могла бы быть свободной в конце сентября.

– Гнусная история... – сказал он – Я должен был объявить свою кандидатуру в конце сентября.

– Объявишь, дорогой мой, – сказала она. – Объявишь. А я смываюсь из нашего роскошного рая.

С бьющимся сердцем и коротким дыханием, он почувствовал себя с облегчением. С дикими амбициями, возможно, было покончено. Обустроится. Наладит более скромный образ жизни. Ему пришла в голову мысль вернуться к Дюмулену. Он тут же ее отбросил.

– А кто счастливый избранник?

– Коннозаводчик, выводящий породу французских лошадей. Я буду жить у него в Ирландии.

– Странная леди Чаттерлей, – сказал он. – Зная тебя, представляю его себе скорее миллионером, чем конюхом.

– Ни то ни другое. Просто человек в своей шкуре. С ним я чувствую себя свободно, почти счастливой. Он не витает в идеологиях. Просто существует в приятной повседневной жизни. Не собирается спасать Францию. Любит меня. Причем не между двумя дверями...

– Ты меня убиваешь, – сказал Лоран.

Голосом, спокойным как у стюардессы, хотя она и видит горящий реактор, она объявила:

– Что касается квартиры, не беспокойся, мы тебе ее оставляем, так что в ближайшее время не предвидится изменений. Можешь продолжать жить здесь, как раньше. А если переберешься в Елисейский дворец...

– Елисейский, ты шутишь? С семейным скандалом? Твой уход – это казнь через отсечение головы. Кляк. Голова отлетает. Моя уже лежит в корзине.

– Ты слишком рано порвал с Дюмуленом, – сказала Эвелина. Ты собираешься представлять «левую либеральную» часть населения, не имея за собой ни Социалистической партии, ни даже части Партии народного объединения. Без союзника ты не победишь.

– Ты меня торпедируешь, – сказал Лоран. – Топишь корабль.

– Не думаю, – сказала она – Все остается на месте: обстановка, тесть, миф Моро за твоей спиной, папа даже покупает тебе дом графини. Он получил согласие старой дамы, еще позавчера сопротивлявшейся. Это была эпическая история. Нет больше старой дамы, некого эксплуатировать. Перед лицом папы она одна была крепче, чем любой адвокат. Этот дом будет подарком в честь развода. Этим подарком воспользуется партия.

– Ты резюмируешь сделку, – ответил Лоран. – А я думал, что ты меня любишь...

– Не смейся надо мной, – сказала она. – Вначале это было прекрасно, приятно и даже бескорыстно. Наша жизнь переменилась, когда тебе исполнилось тридцать пять лет. Великое освобождение мужчины. Обнаружив свою способность к политической жизни, испытал неудовлетворенность в большей степени, чем бальзаковская героиня, началась сексуальная гонка. Ты поимел всех или почти всех женщин.

Несколько фраз она не стала говорить. Не захотела заходить слишком далеко.

– Я покидаю наш прокатный стан роскоши.

– Ты сохраняешь роскошь, – сказал он, – и оставляешь мне прокатный стан.

– Бег до потери жизни, мне это надоело, – сказала Эвелина. – Сперва я была влюбленной женщиной, все разделяющей, потом стала соучастницей, советницей, своего рода Мени Грегуар из твоих политических попыток. Это была не сердечная переписка, а переписка страте-

гическая, как правильно вести интриги. Отказываюсь так продолжать до конца жизни. У меня будет жизнь с уикэндами, представь себе. Я буду жить с человеком, который меня любит, это несравнимое ни с чем счастье.

– Нельзя стать ни министром, ни президентом республики, если только смотришь, как жена лузгает семечки.

– Гонка переродилась. Ты стал жаден на изнурительный труд. Твоя совесть успокоится, лишь когда иссякнет. Если не возвращаешься, вдрызг измочаленный трудом, считаешь, что мало работал.

– Ты преувеличиваешь. Не думай, что ты без недостатков, моя дорогая... Если бы ты захотела и если бы ты мне помогла, ты стала бы «первой дамой» в этой стране. Я никогда не пренебрегал твоими советами. Почти религиозно уважал твои «инстинкты». Твои «инстинкты» превратились в какие-то странные божественные слова, которые надо выслушивать. Не была ты равнодушна и к почету, тебе нравилось быть женой министра...

– Это правда, – сказала она. – Но за это надо было дорого платить. Я самая обманываемая жена в Европе, во всяком случае во Франции.

– Сколько энергии ты в меня вливаешь, – сказал он угрюмо. – Отсюда, где ты меня видишь, ржущим, как конь. Однако не надо преувеличивать. Я не настолько феноменален в отношении секса, чтобы показывать меня на ярмарках. Я то, что называют «нормальный мужчина».

Он страдал. Куда делись женщины – объекты прошлого, музы в розовых телесах, одетые в целомудрие, воспринимающие фрустрацию как священство и празднующие удовольствие, получаемое от мужчины? Надо было выйти отсюда, из этой комнаты благоуханных мучений, партия была проиграна. Кончать надо было как можно скорее.

– Ты очень привлекательна, Эвелина. Никогда не встречал подобную женщину... Ты живешь, обладая многочисленнейшими достоинствами. Ты – совершенство. Я – отвратное существо, признаю это, но ты уже не заставляешь меня напрягаться. Я чувствую, что не могу заниматься любовью с одной и той же женщиной после двадцати двух лет. Несмотря на мое глубокое уважение к тебе, тело мое безразлично. Холодное как мрамор. Женщина, даже фригидная, может совершать такие упражнения. Ей надо только терпеть, мужчине это невозможно.

– Какой ты деликатный и тонкий, – сказала она.

И решила сделать ему очень больно.

– Великий чувствительный умник, где ты был прошлой ночью?

– Долгое собрание задержало меня у одного жителя Женевы.

– Как его зовут?

– Это неважно. Что бы ни случилось, знай, что и умом, и чувствами я люблю тебя. Физически – это другое дело...

– Мы далеки от простого вопроса оргазма, – сказала Эвелина.

Его охватило чувство виновности, как в отрочестве. Мешала путаница понятий греха и невыполненного долга. Обвиненный секс сократился, тот несчастный кусочек тела, который вызывал «ахи» и «охи» у этих требовательных женщин, прочитавших в «*Cosmopolitan*», что удовольствие обязательно.

– Вот именно, – сказал он (ассоциация мыслей напомнила ему предложение, услышанное сегодня утром), – одна женская газета просит нас проинтервьюировать.

– Я увеличу тираж любой газеты, если расскажу им то, что скажу сейчас тебе.

– А если я не захочу тебя слушать?

– Не меняй свои убеждения, дорогой мой. Сейчас не время. Лучше будет, если посмотришь на вещи прямо. Вот уже несколько лет я тоже тебе изменяю, скорее подражаю тебе.

Он взглянул на нее недоверчиво.

– Ты шутишь? Мне изменяешь? Но почему? Ты никогда не была женщиной жадной до мужчин и до наслаждений...

Она сказала очень спокойно, даже любезно:

– Надо было ободрить меня. Быть уверенной, что я могла еще соблазнять. Что я еще существовала... Первый опыт был фантастическим. Сорокалетний иностранец. А во втором случае я столкнулась с самым трудным, с самым недоверчивым, самым непредсказуемым в Париже...

– С кем? – спросил он холодно.

– Дюмулен. Я переспала с Дюмуленом.

Лоран молчал, ногу свою он нервно переставлял с места на место и опрокинул стакан, стоящий на полу.

– Какая же ты шлюха! – сказал он. – Какая шлюха... Дюмулен? Но как ты могла приблизиться к нему? Возбудить в нем эту идею, которая никогда не возникала в его сознании?

– Слова сокрытые и взгляды открытые для чего-то созданы, дорогой мой...

Лорана едва не вырвало.

– Когда это случилось?

– Когда у тебя была связь с Барбарой. Весь Париж корчился от смеха, глядя на меня. Надо мной смеялись откровенно. Говорили так: «Эта бедная Эвелина не заслужила такое. Она еще недурна». Ты рекламировал себя с этой девкой. Даже папа хотел вмешаться. Я его отговорила.

Лоран продолжал с удивительной говорливостью, его нервозность выражалась в быстроте речи:

– Это глупо, Барбара – политическая муза, Барбара – национальное достояние. Она спит только с политическими деятелями будущего. Посредственный государственный секретарь, если он прошел через ее постель, может стать министром. Побывать любовником Барбары – своего рода знак качества, это – гарантия разума, паспорт в будущее. Эта кратковременная связь была необходима для моего жизненного уровня.

– Связь со мной была необходима также и для моего положения, – сказала Эвелина.

Лораном овладело настоящее любопытство. Как сумела его законная жена, дочь знаменитого миллиардера, этот образец супружеской верности и христианской морали, как сумела она очутиться в постели человека, чуть ли не такого же левого, как и коммунисты, ведущего строгий образ жизни, постоянно переезжающего из города в город, меняющего свои убеждения и являющегося раз в год в церковь, чтобы присутствовать на религиозной церемонии в память о его жене? Как это все ей удалось, Эвелина?

– Хорошо спланированная случайность. Он тоже был привлечен больше тем, что я представляла, чем тем, кем я была как человек. Потом наши отношения наладились. Хитрый и лицемерный, сперва недоверчивый как слон, хотя одновременно саркастический и нежный, он не отрицал возможности того, что я являюсь ловушкой. Я убедила его в моей искренности, когда сказала ему всю правду. Мы повстречались в очень секретном месте. Он был замечательно пылким, но и деликатным также, а в моменты неконтролируемые почти влюбленным.

Лоран воображал несговорчивым своего противника, этого маньяка власти и устарелого авторитета, с Эвелиной в его объятиях. Империя Моро в объятиях Дюмулена. Ему удалось произнести:

– Твой отец... в курсе?

– Немного да. Я нашла довольно пикантный анекдот, чтобы ему рассказать.

– Пикантный?

Он поднялся.

– Дорогая, можешь возрадоваться: сегодня вечером ты преградила мне путь к президентству. И я скажу тебе почему.

Он начал говорить, шагая.

– Предположим, что мне удалось преодолеть неудачу с твоим уходом, что твой отец меня финансирует, что общественность забывает этот инцидент, ты видишь меня в ходе встречи с глазу на глаз по телевидению перед Дюмуленом? Стоит ему допустить чуточку иронии во взгляде – и я потеряю почву под ногами. Когда мы заговорим о социальной справедливости, я увижу написанным и ясно освещенным, как неоном, в его взгляде слово: рогоносец. Это печально, верно, это смешно, но это по-французски.

– Я полагаю, что он очень скромн, – сказала Эвелина. – Мне даже кажется, что это – одно из важнейших его качеств.

– Плевать он хотел на мои переживания, – воскликнул Лоран. – Всегда есть лучший друг, которому говорят доверительные вещи. У него должен быть свой.

– Нет. У этого человека нет друзей. А если и есть друзья, он не делится с ними откровениями. Я уверена, что это – человек абсолютно честный.

– Он ничем не рискует, – сказал Лоран. – Он вдовец, значит, свободен. Делает что хочет.

– Не так уж он использует свое положение вдовца, – сказала Эвелина. – Но он, конечно, предпочел бы избежать нездоровую рекламу, которая связала бы его с дочерью международного капиталиста, с женой диссидента его партии. Он слишком связан с левыми.

– Мне надо было знать все это?

– Ничто не было предусмотрено. Просто сегодня пришел момент поговорить откровенно.

Он посмотрел на нее, как посмотрела бы Красная Шапочка, будь она поумнее, чем в сказке, на волка, переодетого в бабушку. Эвелина, гладкая и красивая, выдержала этот взгляд. У нее были большие, элегантные руки, «чтобы лучше держать ракетку, дитя мое». Она дышала здоровьем, подвижностью. Приучившись к автомобильным ралли, она коллекционировала трофеи, а когда организовывались соревнования по плаванию кролем, плавала как дельфин. Воспитанная в бесшумном мире денег, она чувствовала себя уверенно в политических кругах и была бы главным козырем в избирательной кампании. Блестящая хозяйка дома, она преклонялась перед протоколом и посвящала много времени и сил также общественным делам. Помогала бедствующим семьям и организовывала у себя завтраки для бедных детей. Даже провела месяц на корабле, где занималась проблемами беженцев и эмигрантов, покидающих страну на подвернувшемся судне, в том числе направлявшемся во Францию. Во время их кампании возле Ардеша, колонизированного ее отцом, она присоединилась к команде молодых добровольцев, решивших реставрировать старую римскую церковь. Она одна стояла не менее пятидесяти тысяч голосов.

– А человек с лошадьми? – спросил он, стараясь избежать всего, что могло быть воспринято как ирония. – Что он тебе дает?

– Свое время...

– Ты вышла на рантье.

– Вовсе нет. Есть активные люди, умеющие жить, швейцарцы, англичане, некоторые французы, переселившиеся в другие страны.

– Я бы тоже хотел иметь свободное время, – сказал он. – Время – проблема материальная.

– Он предлагает мне более гуманную жизнь, чем наша.

Лоран стал возражать:

– Ты не можешь сравнивать. Политика требует особого ритма жизни. Это постоянное рабство, особая дисциплина. Это очень подходило тебе.

– Это могло бы мне подойти, – сказала она, – если бы, кроме нашей, так называемой «бригадной» жизни, у нас была бы любовная жизнь!

– А черт, – сказал он негромко.

Это восклицание было не только грубостью, но и сконцентрированным резюме положения. Эти женщины, видимо, не могут понять, что в некоторые моменты они должны стать прозрачными, несуществующими.

– Ты действительно бешеный, – констатировала она с удовольствием.

Лоран продолжал:

– Нет, правда! Ты можешь привыкнуть к иному ритму? К человеку, который будет приносить тебе букетики цветов? Будет любоваться, глядя, как ты выпиваешь?

– Почему бы нет? Мы будем жить медленнее, ближе к природе.

– Что он делал раньше?

– Он недавно разошелся с актрисой-неудачницей. Офелия, которая стала полнеть из-за гландов. Она навязала ему адскую жизнь. Мы оба спасаемся от неудачного брака. У каждого было плохое в прошлом.

– Спасибо, – сказал Лоран. – Спасибо.

– Мы хотим вновь найти друг друга, сидя в глубоких креслах перед камином и любуясь огнем. Люблю смотреть, как он наполняет трубку светлым табаком и зажигает ее.

– Ты всегда терпеть не могла запах светлого табака.

– Теперь мне это нравится. Мы не будем игнорировать мир, но будем избегать смотреть телевизор, со всеми убийствами в прямом эфире. Хочу, наконец, есть и не бояться, что появятся морщины. Хотела бы начать стареть без паники.

– Ты смешишь меня твоими планами. Полнеть, тебе? Королева грейпфрутов и обезжиренного йогурта. Полнеть, тебе? Это же не с завтрашнего дня начнется. Ты говоришь о будущем, как будто оно принадлежит тебе одной. Помереть и через полчаса можно... Проекты, светлый табак, верный пес – смешно. Ты и двух недель не выдержишь: слишком привыкла к деятельности.

– Посмотрим, – сказала она. – Можно провести опыт. Я оптимистка.

Лоран поднялся.

– Пойду предупрежу моих людей. Им будет трудно пережить твой уход, развод.

– Все знают, что я – вроде свадебного генерала, – сказала она. – Так что буду ли я тут или в другом месте, всем – плевать.

– Полагаю, что отец твой уже выбрал адвокатов...

– Уже сделано. Папа, как всегда, поладит со всеми. Я уезжаю завтра утром в Дублин. Если хочешь, могу тебе позванивать время от времени. Ничто не мешает нам видеться во время моих визитов в Париж.

– Желаю тебе большого счастья, – сказал Лоран. – А автомобили?

– Оставляю «альфа-ромео» в аэропорту, – сказала она. – У тебя остается «омега».

Так они шутили прежде. «Омегой» они называли свою вторую машину.

– Скорее я возьму такси, – ответил он сердито.

– Делай как хочешь...

Лоран добавил:

– Что-нибудь сказала Филиппу?

– Я держала его в курсе.

– Что он сказал?

– Мы абстрактные родители для абстрактного сына. Он безразличен.

– Он был любезен?

– Он всегда любезен.

– Что-нибудь сказал по поводу моей возможной кандидатуры?

– Ничего. Ничего не сказал. Хотела тебе еще сказать, что я уволила кухарку. Для того, что ты ешь дома, тебе она не нужна.

– А мои рубашки?

– Ими займется Долорес.

Долорес была их домработница. Он иногда встречал ее в коридорах. Лоран почти дрожал, как ребенок, оставленный у дверей приюта для сирот... Роскошное и комфортабельное

здание, необходимое для его ранга, вот-вот рухнет. Не будет он иметь голову свободной, а будет погружен в удручающие детали повседневной жизни.

– Когда она бывает здесь?

– Утром, начиная с девяти часов. Она займется всем. Попроси Мирьям ее оплатить. А я закончила выполнять мою общественную работу при тебе.

Она подошла к окну и открыла его.

– Глоток воздуха... Мне нужен был...

Глубоко вздохнула.

– Нужно мне немного заняться физкультурой. Мышцы у меня напряженные, стянутые.

Она легла на плотный палас. Ее остановили слова Лорана:

– Еще один пустяк, деталь...

– Слушаю тебя, Лоран...

– Почему ты сообщаем об этом уходе именно сегодня вечером?

Она заговорила очень нежно:

– Вот уже несколько недель я пыталась поговорить с тобой. Ты все время в пути. Вне дома ты сильный, а возвращаешься измочаленный от усталости. Тебя невозможно было поймать. А поскольку завтра я ухожу...

Он хотел отомстить и утвердиться, укрепиться:

– У меня была авантюра в Женеве...

Ему хотелось все рассказать Эвелине. Сесть рядом с ней на полу и объясниться.

– Я так и думала, – сказала она. – Хочешь моих поздравлений? Хочешь, чтобы я похвалила?

Она проделала несколько движений ногами. Ножницы. Получилось элегантно. Ему надо было рассказать о Лизе. Их жизнь изменилась бы, наладилась бы, если бы Эвелина могла стать сообщницей, доверенным лицом. Если бы они могли составить то, что называется «модерновая пара», когда каждый соглашается и помогает связи другого.

Он продолжал:

– Понимаешь, нынешние девушки облегчают задачу. Вместо того чтобы их завоевывать, приходится почти что отказываться. Выигрывается много времени. Это была молоденькая переводчица.

Он был почти что счастлив, он преодолел мыс, пересек границу мещанских условностей. Было бы прекрасно вместе пойти на кухню, выпить пива и рассказать, обменяться опытом, вести себя с ней, как если бы она была мужчиной, знаменитым «лучшим другом».

Она встала. Прежде чем закрыть окно, склонилась, чтобы посмотреть на пустую улицу. Лоран наблюдал за этой фигурой, которая держит себя вызывающе. Вообразил больше заголовки в завтрашних газетах: «Этой ночью покончила жизнь самоубийством жена Лорана Же. Утром этой ужасной драмы врач сообщил ей, что у нее неизлечимая болезнь». Он видел в ночной темноте, как падал, перевернувшись, белый силуэт Эвелины. В замедленном ритме. Так эстетичнее.

Она сказала:

– У самой входной двери стоит полицейская машина. Ты что, совершил преступление или становишься все более важной фигурой?

Она закрыла окно и энергичным движением задернула занавески.

– Кульбит с седьмого этажа, и ты бы стал оплакиваемым, но свободным человеком.

– Ты чепуху несешь, – сказал он просто.

– Ты становишься вульгарен.

– Ошибка речи, – сказал он.

– Еще несколько деталей, – сказала она спокойно. – В течение этих нескольких переходных месяцев папа будет, как всегда, оплачивать счет АВ.

Почти все их расходы поступали на счет АВ.

– Для меня это будет трудновато, мне одному придется содержать эту дорогую квартиру.

– Не будем терять время на эти сентиментальности. Так было уже двадцать два года.

Почему менять именно сейчас? После выборов посмотрим.

Такое вот уточнение: чуть больше, чем бесплатный жилец, разрешить бездомному вселиться в незанятую квартиру. У него не было ничего своего. Даже письменного стола английской работы, роскошной мебели, чиппендейл красного дерева, с обеих сторон украшенный скульптурными изображениями львиных голов. Такой музейный предмет подарил Моро молодой паре, значит, Эвелине. Он ясно почувствовал желание все бросить и опять остаться одному, свободным от всех обязательств, в трехкомнатной квартире с кухней и ванной, в Периньяне, если можно, в этом городе, где много солнца и умных людей. Вновь одеваться в готовое платье и подсчитывать километраж, чтобы экономить на бензине. Стать местным мастером идеологии, где налог на капитал не будет рассматриваться как нарушение прав тестя, а экология в высших сферах не будет считаться интеллектуальной роскошью.

– Пока не забыла, хочу сказать, что папа хотел бы аннулировать также наше церковное бракосочетание...

Он улыбнулся.

– С каких пор он стал таким строгим?

– Это его дело.

– А по какой причине? Неупотребление, наверно?

– Наши адвокаты найдут необходимые аргументы, – ответила она. – Кажется, все сказали.

Он чуть не пожал руку своей жене. Такой глупо машинальный жест.

– Ты не в предвыборной командировке, дорогуша. Еще нет. Поцелуешь меня все же?

Он нацелился на щеку, она подставила губы. Слабая, последняя провокация, один из тех женских позывов, которые смущают. Расстанутся на всю жизнь, а они предлагают себя, чтобы попытаться вырвать последнюю победу. Или последнюю уступку. Он чуточку коснулся губ Эвелины.

Она на несколько секунд побыла очень близкой к нему.

– У нас были прекрасные минуты, – сказала она.

– Это верно, – сказал он.

Потом он отошел и направился к себе. Он должен был бы лучше среагировать, более эффективным способом. Взять их, как говорят эти жадные женщины, «грубо». Улюлюкающий Тарзан, качающийся на лиане и брошенный в ее кровать... Очень грубо с ней расправиться, почти изнасиловать, чтобы получить собственное удовольствие. Оставить на ее очень белой коже легкие синяки, которые она потом будет всем показывать как ранения в боях, как награды. Он должен был сделать ей больно с постоянным вопросом «ты меня чувствуешь?». И наконец, услышать: «Остановись, я больше не могу». Ключевая фраза для освобождения мужчины. «Хочу, чтобы ты радовалась еще и еще», – сказал бы он, конечно хрипловатым голосом. Писарь подробнейшим образом записал бы: «Оргазм № 1 засвидетельствован, оргазм № 2 произошел, оргазм № 3... Я жду, сударь! Она еще ничего не сказала...» И потом, внезапно: «Вы сделали? Bravo! Оргазм № 3 зарегистрирован». Установить констатацию наслаждения и объявить это на двери комнаты. Наложение ареста на супружеское счастье.

Можно предположить, что он заставил бы Эвелину рыдать от наслаждения и сказал бы ей матерым голосом, что он тоже был удовлетворен. И, как противный лицемер, добавил бы: «Твое наслаждение – праздник для меня». Потом, выдержав долгую паузу, осторожно добавил бы, чтобы дать себе время для отдыха: «Отдохни, дорогая. Ты должна восполнить силы». Восполнить? Они никогда не устают, никогда.

Через расстегнутую ширинку в пижаме он увидел свой скрюченный член. Таким изнасиловать кого-нибудь невозможно. Однако у него оставалось лишь несколько часов, чтобы

покорить Эвелину. Чтобы навалиться на нее, как скала, чтобы овладеть ею, ему нужен был инструмент в состоянии эрекции. Для самовозбуждения он пошел в поисках порнографической книги, спрятанной за рубашками и купленной во время конгресса в Дании, в секс-шопе в Копенгагене. Ах, если бы он оказался там один! Но он пришел туда с другими депутатами. Все пришли туда. Почти все. Как и они, он разыгрывал комедию о человеке, изучающем свою эпоху, открывающем интерес, проявляемый к сексу нордическими странами. «Это почти невероятно», – воскликнул он во время выступления в Париже, где все были так же смущены, как он. Убежал он, унося несколько публикаций не датском языке, а главное, толстый том на французском, озаглавленный «Восхождение Дельфины». Он открыл книгу наугад. «Проткнутая с двух сторон, Дельфина задыхалась». «Если она может задыхаться, значит, рот ее свободен, – подумал Лоран. – Значит, атака с обеих сторон южной зоны заставляет ее задыхаться...» Он опять погрузился в чтение с надеждой почувствовать какие-то результаты: «Слюна от наслаждения вытекла на подбородок Дельфины, она чувствовала, как ее нос уткнулся в волосатую грудь молчаливого человека-гориллы, которого ее муж, соучастник в пороке, подобрал при выходе из душа». «Муж-соучастник, – подумал Лоран. – А если тип, им перехваченный, выходит из душевой, значит, он чистый, это уже хорошо». «Дельфина стонала под мужиком-зверем. Альбер пытался тоже проникнуть в Дельфину, но человек-горилла с ворчанием владельца отпихнул его». «Не очень любезен человек-горилла, – сказал вполголоса Лоран, – его подбирают на улице, предлагают ему даму, а он отпихивает мужа. А где же благодарность за низ живота?»

Он швырнул книгу на пол, почувствовал боль в голове. Нашел в ящике столика в изголовье тубик аспирина. Постепенно он потерял надежду совершить «десант» к Эвелине. Он потушил свет и предался приученным фантазмам, но в этот вечер образ двух белых лесбиянок, которых избивал кнутом черный гигант, чьи челюсти а-ля Джеймс Бонд перегрызли бы любого, больше ни на что не годились.

Он принял половину дозы снотворного, диким жестом накрылся одеялом и освободил левую ногу. Ворочался и переворачивался, снотворное больше нервировало, чем успокаивало. «Надо бы увеличить дозу», – подумал он. От толчка ударился о деревянный выступ кровати, называемой «корзинка». Ему было больно.

«Чертова бессонница», – пробормотал он вполголоса. Проглотил вторую половину наркотика. Наконец осторожный сон овладел им.

Проснулся с тяжелой головой. Будильник – украшение из золота с перламутром – показывал без малого семь часов утра. Осторожно встал. Чувствовал себя действительно плохо. Надел халат и пошел из комнаты, как вор, брошенный друзьями. В прихожей еще витал легкий аромат Эвелины, уехавшей в Дублин. Направился на кухню. Свернутый монарх в халате, император в босоножках, он сумел вскипятить кофе и не обжечься. Картонная коробка с молоком не поддавалась. Ножницы? Не нашел. По пунктиру на коробке пытался отрезать, получил брызги молока на халат. Решил приготовить себе сытный завтрак. Есть как поросенок, какое наслаждение! Он хотел обмакивать тартинки в кофе. Ну да! И погрязнуть там, м-да! Он нашел половину черствого батона и немного масла в холодильнике. Уселся за столом на кухне. С беспокойной душой, с холодными ногами, он поставил перед собой миску, полную крепкого горячего кофе, и с наслаждением опустил хлеб в миску. На следующее утро после их брачной ночи, под критическим взором Эвелины, он перестал макать хлеб в кофе. Выходец из простой семьи, он восставал против этих условностей и часто потихоньку продолжал макать. Отец его, работник судебного ведомства, и мать, с лицом, слишком светлым из-за неправильно выбранной пудры, макали в чае даже печенья. Он доел эти кусочки батона с маслом. Какое удовольствие было бы для Эвелины от сознания того, что он принижен, уничтожен! Лопать от возмущения – какое издевательство, но и какое утешение. Он вытер руки о халат. Этот завтрак был для него фантастическим облегчением.

Сделал насмешливый жест портрету своего тестя, царящего при входе в квартиру. «Абсолютным врагом является коррупция, коррупция всякого рода», – подумал он. Когда-то он прожил в блаженстве период чистоты, смотрел на Францию отцовскими глазами спасателя – либерала и эколога. Ну да, он мечтал о блестящей Сене и о налоге на капитал. Вид любого бродяги, одурманенного наркотиками, наполнял его метафизической болью. «Виновато в этом общество. Мы не должны терпеть этого. Необходимо исключить из жизни вырождение». Он читал Ленина, Маркса и Библию. Он смешивал действия первых христиан и последних троцкистов. Он поверил Дюмулену, выходцу из той же буржуазии, из какой вышел и он, с различием в одно поколение. Мечтал о реформах Дюмулена, как мечтают о Мекке, но постепенно он понял, что Дюмулен никого не слушал, кроме самого себя. Надо было освободиться от власти монарха, глухого к аргументам и умозаключениям. «Я хотел диалога, а был подавлен монологом», – говорил он в заключение.

Дюмулен часто повторял: «Мы одиноки. У нас нет денег. Мало кто верит, что мы можем прийти к власти. Кто поможет нам?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.